

*Оливия
Штерн*

Госпожа пустошей

18+

Оливия Штерн
Госпожа пустошей

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Штерн О.

Госпожа пустошей / О. Штерн — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Она добровольно стала вампиром и утратила воспоминания о том, каково это - быть человеком. Он был правителем, но слишком доверял тем, кого любил. Их пути пересеклись в замке на Пустошах. Чем закончится противостояние человека и чудовища? Вспомнит ли госпожа Пустошей ту женщину, которой давно перестала быть? Сможет ли истинная любовь, зародившись, повернуть вспять саму магию? А что, если холод бессмертия – не навсегда?

Содержание

К читателям	6
Пролог	7
Глава 1. Вампир и княжеский гонец	8
Глава 2. Ненужная свадьба	13
Глава 3. Зоринка	23
Глава 4. Горячо любимый сосед	30
Глава 5. Некромант	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

При оформлении обложки были использованы следующие изображения:

https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.shutterstock.com%2Fru%2Fimage-illustration%2F3d-rendering-fantasy-dragon-isolated-on-703612237&cc_key=

https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.shutterstock.com%2Fru%2Fimage-photo%2Fclassical-lady-400753546&cc_key=

https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.shutterstock.com%2Fru%2Fimage-photo%2Fone-handsome-young-man-urban-setting-778373287&cc_key=

К читателям

Вампиры в этой книге отнюдь не ватно-сахарные. Они – жестокие, коварные, беспринципные, аморальные твари, смотрящие на человека как на еду или источник удовольствия. Именно такими, на взгляд автора, вампиры и должны быть в книгах. Поэтому в романе присутствуют сцены насилия, жестокости, а также довольно откровенные эротические сцены. Отсюда возрастной рейтинг.

Книга открывает мир Пустошей, который образовался в результате действий одного могущественного мага. Его мы тоже встретим на страницах романа.

Пролог

Лорин знала о том, что красива.

Ее красота много значила для тех, чьи холодеющие губы она целовала, открывая врата вечности.

Все они – мужчины и женщины – любили Лорин, до последнего вскрика, стога, вздоха, легкого, как прикосновение перышка. Лорин умела сделать их счастливыми. В тот неизмеримо короткий миг ее кожа теплела, а сама она стонала, кричала и извивалась, купаясь в океане чувственного наслаждения.

Потом тепло забирали Камни Крови. Все, что оставалось – медленно остывающее тело того, кто только что был ее любовником, и вечный, терзающий ее голод.

...Лорин знала о том, что красива.

Об этом кричали зеркала древнего замка, построенного в пустошах, и об этом же нашептывали взгляды мужчин, как живых, так и не очень. Но к чему красота, когда тот, к кому была привязана узами судьбы, магии и самопожертвования, ушел и громко хлопнул дверью вечности?

Лорин отчаянно тосковала по мужу, убитому человеком. Она все еще любила его, своего Эйвана, и всем сердцем ненавидела убийцу. Ей часто снилось, будто Эйван по-прежнему с ней, обнимает ее, гладит по волосам.

«Когда-нибудь это закончится, крошка... Надо потерпеть, еще немного... И ведь мы потерпим, правда? Ты и я».

Он ушел, оставив тяжкую ношу бессмертия только ей.

И будь все по-другому, Лорин попросту явилась бы к врагу и выпотрошила его прямо в постели. Но установленные много лет назад правила мешали ей сделать это, сковали руки тяжкими цепями.

«Смешно... я не могу взять – и расправиться с убийцей моего мужа. Хотя могла бы свернуть ему шею как цыпленку. Да и как человек мог убить вампира в честном поединке? Как?!»

Лорин терпеливо ждала, вынашивая месть под сердцем, как могла бы вынашивать ребенка. А потом время настало.

Глава 1. Вампир и княжеский гонец

Госпожа Пустошей легко скользила по каменным плитам пола. Замок был не так чтобы стар, но камни его отполировали многие сотни ног безмолвных ллэ, послушных воле вампира. А куда без слуг? Любое строение, а уж тем более, замок, нужно содержать в порядке. К тому же, Лорин любила тонкое белье, красивую мебель и изящную посуду, хоть последней и не пользовалась. Магией подобное не создашь. Да и вообще, не было больше магии, умерла она вместе с двенадцатью магами этого медленно издыхающего осколка реальности. Родятся ли новые маги? Сие не было известно никому.

...В гостиной Лорин остановилась перед высоким, в рост человека, зеркалом.

«Красива, – мелькнула пьяняще-сладкая мысль, – вечно красива».

Белая кожа, подобная алебастру в лунном свете, огромные серые глаза в черных пушистых ресницах и тяжелые косы, темно-каштановые, с едва заметным кровавым отливом, уложенные в сложную прическу.

Лорин улыбнулась себе одними губами, заправила за ухо выбившуюся из прически прядь. Затем потянула носом. Тут же стало неприятно, потому что из-под плотно закрытых дверей, что вели в тронный зал, разило страхом.

Человек, что сейчас ждал ее там, боялся.

...Он пришел к воротам замка еще два дня назад, странный путник в неприметной одежде, в надвинутой по самые глаза войлочной шапке. Пришел и просто уселся на пепельную, совершенно бесплодную землю Пустошей. В десяти шагах от пустого рва.

Лорин ощутила нечто вроде любопытства, и это чувство, почти забытое, заставило ее отряхнуться от сна наяву, в котором она пребывала с того дня, как ллэ привезли тело Эйвана.

Человек. Пришел к ней сам.

Происходящее прозрачно намекало на то, что у гостя есть важное и неотложное дело к хозяйке замка.

Она вдруг испугалась, сама не зная, чего – а потом, подобравшись, как кошка перед прыжком, стала ждать. Чувство было такое, словно она стояла на самом краешке обрыва, над ревущей стремниной.

Прошел день – путник не уходил, обустроив перед замковым рвом маленький лагерь. С костром, котелком, развернутым стеганым одеялом.

Прошел следующий день – он все еще был там.

Лорин со стены видела, как человек варил себе кашу, помешивая в котле большой деревянной ложкой. Обострившееся обоняние вампира доносило до нее аромат съестного, растравляя тоску по когда-то оборвавшейся собственной жизни. Наверное, именно этот запах каши с вяленным мясом ее и добил. Она вспоминала вкус обычной человеческой пищи, по щекам текла кровь, ибо вампиры плачут кровью. Лорин отдала приказ впустить гостя.

И вот теперь стояла, словно девственница перед спальней мужа, судорожно стиснув на груди руки, морщилась от кислого запаха страха, и все не решалась войти.

«Надо, – прошептала она себе – что ты, в самом деле, трясешься как девица? Он вряд ли пришел, чтобы на тебя напасть. Да и кто сможет убить вампира?»

И тут же одернула себя. Ведь кто-то смог, она даже знала, кто. Но так и не поняла, как такое смогло случиться с ее ненаглядным мужем.

Прикусив губу, Лорин толкнула тяжелые, обитые позеленевшей бронзой двери. Безмолвные ллэ вытянулись в струнку: двое у дверного проема, еще пара у трона и три за спиной у незнакомца. Запах страха сделался густым, почти осязаемым, и Лорин, бросив на гостя долгий взгляд из-под ресниц, величественно прошествовала к своему проклятому трону бессмертия.

Человек заметно оживился. Это было ожидаемо: ничто не выматывает так, как неизвестность. Лорин села, положила руки на каменные подлокотники. Будь она живой, начала бы мерзнуть. А так – холод камня не ощущался и вовсе. Прищурилась на человека, рассматривая с интересом.

Незнакомец был высок и хорош собой, молодой мужчина. Темноглазый и темноволосый, лицо чистое, не тронутое ни оспой, ни шрамами, что было редкостью последнюю сотню лет. К слову, одежда, в которой он явился, не принадлежала ему, и Лорин готова была клык дать за то, что гость привык одеваться куда как богаче. Из оружия – только сабля на простой перевязи да нож у пояса. Наверняка он пришел к замку не один, и там, в жиденьком приграничном лесу, его ожидал отряд...

Игра в молчанку затягивалась. Лорин понимала, что он тоже рассматривает ее, да и было на что посмотреть. Она любила платья, сшитые из цельных кусков черного кружева. Где надо, рукотворный узор становился чуть плотнее, где надо – поверх кружева ложилась вышивка шелком и золотой нитью. Никакого нижнего белья для тела, отточенного столетиями, не требовалось вовсе.

И – надо же! – запах страха начал меняться на легкий, игривый аромат желания.

Лорин фыркнула. Ничего нового, все одно и то же. Можно взять его прямо здесь, горячего, полного жизни, насладиться его молодым телом, а потом выпить досуха, ощущая себя живой... но нет. Не сейчас. В конце концов, человек не просто так явился в замок на пустоши.

– Моя госпожа, – хрипло произнес мужчина, наконец обретя дар речи, – меня прислал владетельный князь Велеслав с предложением.

Лорин постучала ногтями по каменному подлокотнику. Она поняла, о ком шла речь, за исключением одной мелочи.

– Велеслав еще не стал владетельным князем, – ответила она, – или же он расхрабрился до того, что перерезал глотку князю Стефану?

– В этом суть сделки.

– А ты кто?

Она взглянула в карие глаза, где на самом доньшке свернулся ужом застарелый ужас человека перед чудовищем.

– Я сотник Велеслава, Демен.

– Хорошо, Демен. Теперь, когда я знаю твое имя, можешь изложить суть предлагаемой мне сделки.

Вместо ответа он шагнул вперед, к трону. Ллэ неуловимым, текучим движением нежити преградили ему путь. Демен отшатнулся, бросил испуганный взгляд на Лорин и протянул ей небольшой, размером с ладонь, кожаный тубус.

– Никто не должен приближаться к госпоже Пустошей без ее на то разрешения, – назидательно сказала она.

Ллэ, при жизни бывший воином, вырвал тубус у Демена, вскрыл, и, убедившись, что там нет ничего кроме пергаментного свитка, передал Лорин.

– Простите, госпожа. Я не знал.

Лорин добродушно улыбнулась и углубилась в изучение деталей сделки, предлагаемой младшим братом убийцы мужа.

А предлагал он, ни много ни мало, возможность отомстить. В обмен просил Защиту Крови. Брата, владетельного князя Стефана, обещал доставить в замок живым и в цепях, дабы не лишать госпожу Пустошей удовольствия лишить его жизни собственноручно, любым способом.

Лорин облизнулась, обведя языком контуры клыков. Некрос! Да если так, и она, не нарушая никаких договоренностей, заполучит Стефана... О, что она тогда с ним сделает...

Владетельный князь будет умирать очень, очень медленно. День за днем. Капля за каплей. Желая ее до потемнения в глазах и при этом понимая, что умирает. Осознавая, что превращается в безмолвного ллэ, что впереди – сотни лет служения вечной госпоже.

Лорин смяла полоску пергамента.

А Защиту Крови... что ж, как-нибудь она ее сделает. Чай, не первое столетие вампир.

Она посмотрела на Демена, застывшего за широкими спинами ллэ. Разыгравшееся воображение уже рисовало князя Стефана, растянутого на цепях, гладкую, упругую кожу у основания шеи. Сладкое ощущение биения чужого сердца. Первый, незабываемый глоток, напоенный воспоминаниями врага. Лорин сглотнула, чувствуя, как удлинившиеся клыки царапают губу.

– Я согласна, – сказала, дивясь тому, как хрипло и безжизненно прозвучал голос, – как только владетельный князь Стефан будет здесь, перед тронем, Велеслав получит Защиту Крови. Но это еще не все.

Она нервно прошлась кончиком языка по острым вершинкам клыков. Мысли о том, как она высушит Стефана, не шли из головы. Лорин заметила, что пальцы начали подрагивать. Плохо, очень плохо.

– Что еще желает госпожа Пустошей? – как издали, донесся голос Демена.

– Тебя.

Под звездчатыми сводами зала повисло напряженное, почти осязаемое молчание. Затем Лорин снова почувствовала страх. Даже не страх, дикий, животный ужас. Но, надо отдать должное Демену, он держался достойно. Другой на его месте уже бы уделался.

– Госпожа, если я не уйду отсюда живым, как Велеслав узнает о вашем решении?

– Ты уйдешь отсюда живым, – отозвалась Лорин.

Соскользнув с трона, она медленно прошествовала по залу, обогнула своих безмолвных ллэ, навсегда связанных с ней магией Крови, и остановилась напротив Демена.

Хорош. Очень даже. И не откажешь в смелости, не валится в ноги, а стоит и молча ждет. Только взгляд затравленный.

Лорин подняла руку, коснулась подушечками пальцев плотно сомкнутых губ мужчины. Как будто прикоснулась к горячему боку казана, только что снятого с печи. Но ведь это все иллюзия, человек этот – такой как все. Это она... слишком холодная.

Осознание того, что вечный холод ненастоящей смерти стал ее уделом, принесло боль. Глубокую, изматывающую, как будто кто-то дергал струну, натянутую под ребрами.

– Иди за мной, – тихо приказала Лорин.

Она знала, что человек не посмеет послушаться. Ведь в противном случае он вообще не выйдет живым из замка: верные и всегда безмолвные ллэ разорвут его на куски и съедят. Демен тоже прекрасно понимал это, и поэтому покорно шел следом.

До спальни.

Лорин невольно улыбнулась, представляя себе выражение лица Демена. Ведь положено считать, что госпожа пустошей, вампир, спит в разрытой могиле. Ну, или на худой конец, в саркофаге, в склепе. У кого фантазия побогаче – те непременно вообразят черные простыни, черные шторы и кроваво-красные свечи, скребущие тьму острыми когтями чадающего пламени.

Лорин обожала красочные гобелены, цветы, резную мебель и кружевное белье. В золоченой клетке суетливо прыгала маленькая желтая птичка. Самую первую ей привез с юга Эйван, всех последующих исправно привозили вместе с караванами работорговцев.

Она обернулась. Демен так и стоял в пороге, не решаясь ступить в сказочную спальню мертвой принцессы. Правда, перепуганным уже не выглядел. Скорее пораженным.

– Ты ожидал увидеть здесь пирамиды из черепов?

Демен смутился, мотнул головой.

– Нет... нет, госпожа.

– Тогда что тебя так удивило?

Сотник Велеслава развел руками.

– Это очень красиво, госпожа.

– Я люблю красивые вещи. Подойди.

Вновь проснулся животный страх в глазах человека, и Лорин сделалось тоскливо.

– Я сказала, что ты уйдешь отсюда живым, – холодно напомнила она, – будет потом, что внукам рассказать...

– Тогда что вы... хотите, госпожа?

Она пожала плечами. Смелостью, конечно, природа его не обделила, но вот мозгами...

Приблизилась вплотную, глядя прямо в глаза, положила ладонь на колкую от пробивающейся щетины щеку.

– Я хочу *тебя*. Все очень просто, Демен. Госпожа желает мужчину, а затем один-единственный глоток крови. Госпожа желает, чтобы сотник *будущего владетельного князя* Велеслава снял с себя эти заскорузлые тряпки и согрел *свою* госпожу.

Она привстала на цыпочки и осторожно, почти невесомо коснулась горячих губ. Медленно приоткрыла их, наслаждаясь теплом дыхания живого человека, дразняще-нежно провела языком по трещинке на полной нижней губе. Ощутила дурманящий отголосок вкуса крови.

– Госпожа... – хрипло выдохнул он, – я... я сейчас...

И, неловко попятившись, принялся стягивать одежду, бросая ее на пол.

Лорин отошла, оперлась бедрами о край столика. Жажда разгоралась нешуточно, и она уже не совсем понимала, чего больше хочет – то ли этого великолепно сложенного мужчину, то ли просто его крови. Клыки надоедливо резали десна.

Она откинулась назад, позволяя ему себя целовать. Испепеляющий жар ладони скользнул по бедру, все выше и выше, сминая прозрачный кружевной подол. Лорин обвила его ногами, впуская в себя, чувствуя, как с каждым резким, судорожным движением ей становится теплее. Закрыв глаза, лизнула солоноватую кожу над ключицей. Вслушалась в бешеный стук чужого сердца. И в тот миг, когда накрыла теплая, очень человеческая волна наслаждения, прокусила вену.

Мир взорвался тысячей цветных стеклышек-осколков.

Обжигающая волна прокатилась по горлу, растекаясь, разбегаясь зыбкой рябью по телу, полыхая жидким огнем под кожей. Согревая. Делая почти... живой.

Лорин затрепетала, сживаясь с ощущением того, что руки, сжимающие ее в объятиях, больше не кажутся чересчур горячими. Судорожно сглатывая кровь и обвив Демена как хищная лиана, она пила его прожитые годы, смакуя как выдержанное вино. Бесконечные образы лились сквозь ее сознание. Взрослый Демен на охоте перерезает горло вепрю. Юный Демен дает присягу верности тощему и вечно бледному Велеславу. Он же с первой своей женщиной, угловатый и неловкий... А потом она увидела мальчика, хорошенького, с большими карими глазенками и ссадиной на коленке. Он стоял посреди дороги, смотрел куда-то вдаль, приложив грязную ладонку ко лбу и тем самым прикрывая глаза от палящих лучей солнца. Легкий ветерок шевелил каштановые кудряшки.

Лорин заставила себя оторваться. Провела языком по ране, закрывая ее, а затем, с божественным вкусом крови во рту, поцеловала Демена. Сладко. Некрос, как ей было сладко...

Демен вздохнул едва слышно и отстранился. Дышал тяжело, с присвистом, как будто каждый вдох давался с трудом. Лорин почувствовала, как по внутренней стороне бедра потекло что-то теплое. И в этот миг мужчина, только что доставивший ей столь утонченное удовольствие, неловко пошатнулся. Лорин быстро подставила плечо, подвела его к кровати. Даже сейчас, бледный до синевы, он был необычайно хорош.

– Тебе надо отдохнуть, – не удержавшись, прошлась языком по линии подбородка.

– Госпожа...

– Если я обещала, ты выйдешь отсюда живым.

Мелькнула соблазнительная мысль – а не попробовать ли его обратить, чтобы хоть кто-нибудь занял места Эйвана рядом с ней?

Обращение не было предусмотрено.

Но ведь изначально считалось, что и сама она будет вампиром какую-нибудь сотню лет. Возможно, наставала пора забыть все заветы?.. Да и кто запретит? Те, что давно выжили из ума, не выдержав бремени крови и вечности?

Укладывая Демена в чистую, пахнущую лавандой постель, Лорин все еще думала над этим. Но потом одернула себя. Зачем?

Растянуть сиюминутный интерес на долгие десятилетия?

Лорин вовсе не была уверена в том, что ей будет хорошо рядом с Деменом. Вернее, сейчас ей было очень даже хорошо. А что она скажет через сотню лет? Заскучает, как пить дать.

Вытянувшись рядом с мужчиной, Лорин прижалась к нему всем потеплевшим телом. Провела ладонью по упругой груди с татуировками рода. И, не удержавшись, потянулась вверх, к его губам, все еще перепачканным его же кровью. Поймала взгляд карих глаз. Демен боялся.

«Да и как тут не бояться, еще немного – и пришлось бы изготовить очередного ллэ. И тогда грош цена твоим обещаниям, госпожа Пустошей».

Лорин вздохнула, отстранилась и села на постели. Механически расправила мятый подол своего неповторимого кружевного платья.

– Сейчас тебе принесут теплого вина и еды, – проговорила, не оборачиваясь, – ты отдохнешь, наберешься сил и отправишься обратно к Велеславу. Я выполню условия сделки. Да и ты не останешься в накладе: ни один из моих... сородичей не прикоснется к тебе, как бы не сложились обстоятельства. На тебе моя метка, Демен.

По телу прошла первая судорога. Камни Крови почувствовали Силу и начинали свою вечную работу. Теперь Лорин следовало бы остаться одной, не нужно человеку видеть, как она будет корчиться на полу, царапая ногтями камень.

Она медленно поднялась. Оглянулась, почувствовав теплые пальцы на запястье. Демен улыбался.

– Госпожа... вы прекрасны, как... – тут он замялся, с трудом подбирая слова. А Лорин смотрела на него, но видела того чумазого мальчика на дороге.

– Как холодный шелк, – наконец сказал мужчина.

«Интересное сравнение», – подумала Лорин.

Камни Крови начинали брать свое, и нужно было торопиться.

Она быстро наклонилась и поцеловала мужчину в лоб, едва коснувшись губами.

– Прощай, сотник Велеслава.

Демен хотел еще что-то сказать или спросить, но Лорин приложила пальчик к губам и так быстро, как только могла, выскользнула из спальни.

Камни Крови ворочались на краю сознания, тянулись к ней отвратительным отростками самой черной магии. Лорин всхлипнула.

«Не думай об этом, не думай... Думай о том, что скоро убийца Эйвана будет в твоих руках... И вот тогда...»

Глава 2. Ненужная свадьба

Владетельный князь Стефан задумчиво покачивал в руке бокал из цветного стекла. На доньшке перекатывались последние капли вина, терпкого, красного. По левую руку сидела невеста.

Он не хотел жениться на этой девушке. И не потому, что она была плоха – очень даже хороша, кожа белая как снег, косы черны как ночь, губы алые, сочные, словно спелые вишни. Про таких говорили – что лебедь белая. Любой другой взял бы в жены, не раздумывая.

Стефан же искренне полагал, что за ним тянется черный хвост проклятия, и портить жизнь кому-то еще не хотелось. Но у невесты был отец, у отца – много воинов и мер серебра, а набег дорогих соседусшек не прекращались. К тому же, дикие ллэ, проклятая нежить Пустошей, появлялись то тут, то там, когда в одиночку, а когда стаями. Воины и серебро были очень кстати.

Стефан, сидя на своем месте, равнодушно наблюдал за свадьбой. А та шла свои чередом: слуги несли на серебряных блюдах жареных лебедей в окружении перепелок, молочных поросят среди золотистых, точно солнышки, клубней картошки, пироги с олениной, с зайчатиной и с мясом куропаток – всего не перечесать. Вот уже и отплясали, звеня монистами, в центре залы айнэ в цветастых юбках. Вот уже и старицы-вещуньи напророчили долгих лет владетельному князю и его юной жене. Все как будто текло сквозь него, не затрагивая, не задевая. Стефан изредка поглядывал на раздумывающуюся девушку, которая этой ночью будет принадлежать ему. Звали ее... Роса, Росинка. Она смущалась и краснела, когда старицы поднесли горшок с углями и желали таких же жарких ночей с князем. У нее были тонкие бледные пальчики и еще по-детски пухлые щеки. Хотел ли он ее? Скорее нет. Все, что ему было нужно – это воины и серебро. И оттого засело под ребрами пакостное чувство, что вся эта свадьба – неправильная и ненужная, и еще более неправильно и ненужно то, что он связывает с собой совершенно невинное существо. С собой, чья кровь замарана проклятием.

Наконец старицы убрались восвояси, он нехотя опрокинул очередной бокал во славу Двухликого Огневика, покровителя семьи, дома и очага.

А потом на середину зала вышли три седовласых старца с цистрами и начали хвалебную песнь о том, как великий воин Стефан в равном бою одолел тварь Пустошей.

Князь стиснул золоченую ножку бокала.

Они пели о том, как пришел в княжество господин Пустошей с войском, что ни живо, ни мертво. О том, как требовал проклятый вампир еще дани кровавой, вдобавок к тому, что уже получил. Как владетельный доблестный князь Стефан отказал гаду ползучему и летучему, и вызвал того на честный бой. И как бились они три дня и три ночи, а затем отрубил пресветлый князь голову проклятому вампиру, и тем самым спас многих невинных людей...

Стефан кивком подозвал виночерпия. Шепнул на ухо:

– Передай Велеславу... Пусть заплатят этим... и пусть убираются.

Ему не хотелось вспоминать.

Ибо ни один смертный не может одолеть вампира. Те быстрее и сильнее, многократно. И то, что Стефану тогда удалось продержаться несколько минут, он объяснял не более, чем удачей пополам с великолепной военной выучкой. Зачем тогда бросил вызов бессмертному? И сам не знал. По молодости да по дурости показалось, что незачем отдавать еще сотню живых на кровавую потеху чудовищу. Но он продержался несколько минут, потом был выбит из седла. Чудовище навалилось сверху: никогда не забыть его глаз, светло-серых радужек, с черными ободками, с алым отсветом на дне.

«На что ты рассчитывал, человек? – Прошипел вампир в лицо, – а теперь я возьму тебя, и возьму тех, кого ты пытался защитить».

И медленно, очень медленно провел холодным языком по шее, приплюсываясь, пробуя...

В тот момент Стефан и сам толком не понял, что произошло. В груди полыхнуло горячим, огонь рванулся сквозь руки, выжигая кровь. Вампира отшвырнуло шагов на десять, и этим было грех не воспользоваться. Стефан подхватил трясушимися руками меч, рванулся к поверженному врагу... И в тот, самый последний миг, когда еще живой вампир смотрел на него, на белом породистом лице врага Стефан вдруг прочел полнейшее удовлетворение происходящим. Бледные губы растянулись в странной, совершенно неуместной улыбке. В следующее мгновение Стефан ударил, отделяя голову от тела.

...А потом стало только хуже, и он сполна осознал, каким был дураком. В княжество явилась госпожа Пустошей. И они встретились на границе. За плечами Стефана была сотня воинов, за ней – серое, колышущееся, постоянно меняющее форму море безмолвных ллэ.

Сама госпожа ехала на прекрасном вороном коне, живом коне, что можно было счесть дивом. Очень красивая, холеная и страшно бледная женщина в таком платье, что просто срам. Темно-каштановые роскошные волосы были убраны в сложную прическу из кос. На бледном челе – тонкая корона из черного серебра с россыпью рубинов. Она подъехала почти вплотную к Стефану, и тогда он увидел, что ее глаза полны крови, а по щекам пролегли тонкие кровавые дорожки.

«Значит, это ты убил моего мужа», – тихо сказала госпожа Пустошей, пристально рассматривая владетельного князя.

«Это был честный бой».

Она фыркнула, словно услышала нечто смешное.

«Человек не может в честном бою убить вампира. Какую магию ты применил?»

«Я не понимаю, о чем ты».

«Хорошо, – она холодно улыбнулась, – ты убил моего мужа. Я, в силу некоторых причин, не могу сейчас напасть на тебя и вырвать сердце. Но когда-нибудь ты попадешься мне, владетельный князь... Когда-нибудь ты окажешься в Пустошах...»

Это и стало его проклятием. «Когда-нибудь» висело над его судьбой, словно остро заточенный меч над натянутой нитью.

Стефан вздрогнул, почувствовав на плече тяжелую руку. Обернулся, чтобы увидеть младшего брата, Велеслава.

– Пора, – сказал тот, – пора в опочивальню, князь.

Ходили слухи, что если у Стефана покровителем стал Теф-солнце, то у Велеслава таким был Сиф-месяц, бледный и светлый. Родные братья рознились как день и ночь. Стефан был крепок телом и темноволос, Велеслав же вырос тоненьким, словно прутик, и светловолосым, настолько, что его слегка выющиеся волосы сравнивали с лунным светом. Глаза у Стефана были темно-каримы, почти черными. У Велеслава – странного сизого цвета, за что он был весьма любим женщинами. А еще Велеслав был очень себе на уме. Стефан поначалу пытался докричаться до него, сквозь невидимую броню показной отрешенности, потом забросил. Все равно ведь... брат.

– Пора, – настойчиво повторил Велеслав.

Роса бросила на него испуганный взгляд и покраснела еще больше. Стефан вздохнул, накрыл своей ладонью тонкие пальчики невесты. Ну что ж, пора так пора. Он поднялся, на миг от выпитого закружилась голова, стол, гости. Стефан потер лоб рукой – помогло. Взял Росу за руку, вывел из-за стола. В центре зала снова плясала белозубая айнэ, вызванивая бубном затейливый ритм, все внимание гостей было приковано к ее гибкой полуобнаженной фигуре.

– Идем, – сказал негромко.

Роса нервно дернулась и всхлипнула. Стефану стало ее жаль: весь вечер девушка храбрилась, а вот теперь... теперь она останется один на один с незнакомым мужем, чтобы на деле познать то, о чем шепчутся служанки.

Они медленно двинулись к княжеской опочивальне. Уже у дверей Стефан остановился : там, вместо своих воинов, увидел сотника Велеслава, вооруженного до зубов. Как же его звали-то?... А, точно. Демен.

– Почему ты здесь? – спросил строго, – где Миловар?

– Животом мучается, – Демен осклабился.

Но его взгляд Стефану не понравился, плывущий взгляд, как будто Демен был очень пьян. И в то же время сотник был совершенно трезв.

– Открывай.

Демен ловко распахнул резные створки дверей, с низким поклоном пропуская новобрачных в опочивальню. Там было жарко, в курильницах тлели благовония южных земель. Огромная кровать белела свежими простынями и занимала полкомнаты. Стефан ощутил, что Росу начинает бить озноб. Двери закрылись.

...Наверное, эту красивую девушку нужно было как-то успокоить. Наверное, с ней нужно было быть обходительным и нежным. А у Стефана перед глазами вдруг возникла госпожа Пустошей, в ее совершенно бесстыжем, мало что скрывающем одеянии.

«Когда-нибудь...»

Стефан вздохнул. Расстегнул пояс с ножнами, отложил его в угол. Затем, неторопливо сбросив кафтан, сел на край кровати, похлопал ладонью рядом.

– Сядь.

У Росинки задрожали губы. Глаза вдруг набрякли слезами. Издав то ли стон, то ли всхлип, девушка послушно подошла и опустилась на краешек, стараясь при этом держаться подальше от Стефана.

– Не стоит жене так бояться мужа, – он усмехнулся, – иди-ка сюда, я помогу тебе снять все это...

Как и полагалось, наряд невесты был многослойным и очень, очень тяжелым. Оплечье, вышитое самоцветами, парчовое верхнее платье, нижнее платье... Роса послушно повернулась к нему спиной, перекинула тяжелую смоляную косу через плечо, и Стефан начал расстегивать золотые пряжки, украшенные жемчугом.

– Устала?

– Да, – выдохнула едва слышно, – не гневайся, князь... я тебя совсем не знаю...

– Это так, – он прошелся по всему ряду пряжек, вернулся к застежке оплечья, – но тебе не стоит бояться, Росинка. Я тебя не обижу.

Полюбовавшись на стройную белую шею, Стефан прикоснулся к ней губами, вдохнул запах юного девичьего тела, к которому примешивался едва заметный цветочный аромат благовоний. Росинка вздрогнула, сжалась в комок.

– Э, нет. Так у нас с тобой дела не пойдут, жена моя. Повернись ко мне.

Она послушно, словно куколка, обернулась, и ахнула, когда он сгреб ее в объятия и поцеловал, смеясь. Губы у Росинки были полные, приятные, она на удивление сразу вся раскрылась, позволяя углубить поцелуй.

«Ну-ну, а строила из себя скромницу», – он усмехнулся мысленно, одной рукой придерживая невесту под затылок, а другой освобождая из плена одежды молочно-белое плечо.

Росинка дернулась, резко отстранилась.

– Князь!..

А потом на затылок обрушилась боль. И свет померк, почти мгновенно.

Приходить в себя было мучительно. Как будто скользкий комок боли забрался под стенки черепа и перекачивается там, пульсирует, то разрастаясь до размеров хорошей тыквы, то сжимаясь в точку, состоящую из тьмы. В глаза брызнул скудный свет, блики от костра. И тут резануло остро запястья, предплечья, лодыжки... Стефан облизнул потрескавшиеся губы. Он не

сразу понял, как это произошло. Да и что – это? А потом серебристой рыбкой в темном омуте мелькнула мысль: мятеж. Неведомый враг дождался, когда он отвлечется, будет безоружен, и...

«Когда-нибудь». Проклятье госпожи пустошей. Или нет?

Стефан прищурился на отблески костра, разожженного неподалеку. Ночь. Ничего толком не разглядеть в темных силуэтах. Зато хорошо слышно бряцание доспехов, враги хорошо вооружены.

Он попытался шевельнуть руками. Связали на совесть, кистей рук он почти не ощущал. Еще раз дернул, уже сильнее, локти в сторону, надеясь хотя бы ослабить путы, и одновременно прикидывая, кто мог устроить западню. Кому это могло быть выгодно? Отцу невесты? Вряд ли. Дядьке Ксену, родственнику по материнской линии? Тоже сомнительно. Но кто, кто?!!

Впрочем, мучиться неизвестностью ему не дали.

Стефан увидел, как один из воинов, сидящий у костра, поднялся и неспешно направился в его сторону. Князь опустил веки, поглядывая за врагом сквозь ресницы.

– Княже...

И от звука этого голоса сердце с размаху ухнуло в бездонную черную яму. Как же так?!! Велеслав, брат возлюбленный...

Голос принадлежал Демену.

– Стефан, – позвал сотник, затем присел рядом на корточки, стянул грубую кожаную перчатку, приложил пальцы к шее. Туда, где бьется, пульсирует кровь у живых.

– Почему? – он выдохнул этот вопрос, царапая небо пересохшим, сделавшимся жестким как терка языком.

– А, пришел в себя, – равнодушно отозвался Демен, – не держи зла, княже. Я служу Велеславу.

Стефан помолчал. Ему было трудно говорить. И не хотелось. Но что-то ответить все же было нужно, и ответить *правильно*.

– Почему... Велеслав пошел на это? Я ж его милостями осыпал, золотом, ни в чем отказа не ведал...

Стефану показалось, что Демен тихо вздохнул.

– Велеслав счел тебя слабым, княже. Сам захотел править.

– Для этого было довольно просто подсыпать мне яду, – прошептал Стефан, внезапно начиная понимать свою собственную судьбу.

Демен ответил глухо, как будто с трудом выталкивая каждое слово.

– Ему кое-что пообещала госпожа Пустошей. А ты – плата Велеслава. Мы должны отвезти тебя в замок.

– Демен... не делай этого, – во рту собиралась слюна, отдающая металлом, – не делай. Боги не простят. Люди не простят, когда узнают.

– Прости, княже. Я всего лишь верно служу Велеславу.

А потом внезапно Демен сгреб Стефана за ворот, приподнял – бледное лицо с провалами темных глаз оказалось совсем близко, так, что Стефан ощутил привкус вина в дыхании мужчины, увидел мелкие бисеринки пота на переносице.

– Не бойся, – прошептал Демен, – смерть будет сладка в ее объятиях. Я знаю. Был... там...

Стефан прикусил губу. До крови.

– Отпусти. Ты не ведаешь, что творишь. Велеслав не ведает.

– О, как раз Велеслав очень даже ведает, – Демен осторожно опустил его на землю, – он давно уже это замыслил. Все не знал, как к госпоже подобраться.

– Что он от нее хочет?

– Тебе это не нужно знать. Я тебе воды принес, княже. Приговоренному полагается хотя бы пить. Развязать не могу, уж больно ты крепок, еще до оружия доберешься.

– Хорошо, дай воды, – просипел Стефан.

Как бы там ни было, жажда мучила изрядно. А в его положении лучше сохранять силы. Вдруг да удастся сбежать?

Демен зубами выдернул пробку из фляги, поднес к губам. Стефан пил большими глотками, вслушивался в расплывшуюся под затылком боль. Что дальше-то?..

– Демен, подумай над тем, что я сказал.

– Я верно служу Велеславу, – повторил воин, – тут уж ничего не сделаешь.

...И в этот миг с той стороны костра донесся женский плач. А спустя несколько мгновений – бессмысленное бормотание.

– Кто это?

Стефан, холодея, уже знал ответ. Демен не торопился отвечать, аккуратно закупорил влягу, выпрямился. И, уже совершенно не таясь, вполне громко ответил:

– Невеста твоя, княже. Она пойдет госпоже на закуску.

Если бы Стефан был не связан и при оружии, голова Демена уже бы покатила по сочной степной траве. Но все, что он мог – только скрежетать зубами от безысходной ярости.

– Ее смерть тоже... будет сладкой.

– Роса здесь при чем? Зачем губите невинную девушку?

– Это воля владетельного князя Велеслава, – глухо ответил Демен.

Повернувшись, он ушел к костру. Стефан в изнеможении закрыл глаза.

«Когда-нибудь».

Вот оно и свершилось, проклятье. Сгрело не только его, но и ту, что оказалась по случаю рядом.

Плач и мольбы о милосердии резали слух, вспухали болью в голове. Потом звуки резко оборвались, кто-то у костра противно зарыготал. Стефан медленно, понемногу ослаблял путы. Если все сложится так, как он задумал, к утру он сможет уйти. Неведомо, получится ли отбить Росинку, но сам – точно будет на свободе. Покатится голова Демена в пыль...

Он вращал запястьями, медленно, через зубовой скрежет, возвращая им чувствительность. А сам... вспоминал. О том, каким Велеслав был маленьким и слабеньким, когда родился. Стефан тогда смотрел на сморщенное, худенькое тельце, и думал о том, что Хенеш, пастырь мертвых, скоро явится за младенцем. Но Велеслав выжил. И потом, когда учился ратному делу, брал не силой и не умением, а хитростью. И Стефан, будучи на шесть лет старше, очень любил братика...

«Что мне с этого теперь?»

Стефан собирался, развязавшись, просто уползти в кусты, а оттуда добраться до своих верных военачальников. Правда, пришлось бы оставить Росу, но начини он ее сейчас спасать – толку вообще не будет. Вот и лежал тихо-тихо, с закрытыми глазами, растягивая кожаные ремни.

...Конечно же, ему не дали довести начатое до конца. Подошли Демен и еще какой-то мужик богатырского телосложения.

– Надо ехать, княже. Не взыщи.

– Хенеш взыщет, – ответил Стефан.

Демен как будто что-то смекнул, начал проверять путы. Поцокал языком и затянул их обратно.

– Уже недолго осталось, до Пустошей-то.

Потом его, словно куль муки, перебросили через спину лошади и привязали к седлу. Краем глаза Стефан видел, как в седло сажали Росинку. Ее, прижимая к себе, повез один из велеславовых наемников. На миг они встретились взглядами, личико девушки исказила гримаса глубокого, беспросветного отчаяния.

«Демен, тварь, хоть бы ее отпустил...»

К полудню следующего дня они добрались до замка на Пустошах. У Стефана, которого так и везли, перекинув через седло, голова едва не лопалась от боли. Пульс тяжело бухал в висках, с каждым ударом подкатывала к горлу тошнота. Рук и ног он уже не ощущал... Но все же повернулся и посмотрел на замок.

Он его никогда не видел, чтобы вот так, да вблизи.

Только на картинках, которые весьма приблизительно отражали суть дела.

Замок, огромный, величественный, сложенный из серых глыб, словно вырос из рас-трескавшейся, мертвой земли. Вырастал – и устремлялся в тяжелое, набрякшее тучами небо, грозясь пронзить их сотнями тонких и острых башен, игольчатыми крышами эркеров. Внешние стены были почти лишены бойниц, но с широкими зубцами. Сторожевые же башни, в отличие от тонких и не лишенных некоторого изящества внутренних построек, казались непомерно широкими.

А вот ров вокруг замка был совершенно сухим. И неудивительно – в Пустошах вода на вес золота. Пепельная, познавшая власть нежити земля все вобрала в себя...

Стефана стащили с лошади, словно тук с шерстью, бросили на землю. Рядом же бросили Росинку. Он повернулся, посмотрел на нее, и понял, что девушку уже не спасти. Она медленно и неизбежно умирала от страха, впала в непонятный ступор и, похоже, не узнавала даже его. Стефан отвернулся. Успокоить бы ее сейчас. Может быть, еще вернется к жизни... погладить по измазанной землей белой щеке, стереть хрустальную слезинку, беззвучно покотившуюся вниз.

Кто-то протрубил в рог, слишком громко для этого чересчур тихого места. Затем раздался громкий скрежет, Стефан не мог видеть, но понял: опускается подъемный мост.

Затем к нему наклонился Демен.

– Ну что, прощай, княже. Зла не держи.

– Отпусти... ее... – глазами указал на Росинку, замершую неподвижно в двух шагах. Руки у нее тоже были стянуты за спиной и наверняка причиняли мучения.

– Велеслав приказал отдать вас обоих, – глухо обронил Демен и уже громче скомандовал, – эй, парни, берите их и идем. Нас ждут.

Стефана снова подхватили под руки и поволокли вперед, через мост, все ближе к мучительной смерти. А в том, что она будет мучительной, владетельный князь не сомневался ни мгновения.

Что ему оставалось?

Он начал молиться своему покровителю Тефу, яркому солнцу, жизнь дающему. Просил, чтобы Теф поскорее забрал его из хладного царства Хенеша туда, где всегда цветут сады, светло, и каждый обретает покой после трудов праведных.

На шее у Стефана на простом кожаном шнуре висел амулет – гладкий камешек с высе-ченнным изображением покровителя. Грубым, правда, потому что Тефа было принято изображать в храмах как воина в доспехах, с лучезарным копьём в руке, которым он повергает Хенеша в бездну.

Они вошли во внутренний двор замка. Там было пусто, исключая двух безмолвных ллэ, наряженных в легкий кожаный доспех. Стефан лишь мазнул взглядом по застывшим белым лицам. Ллэ, одним словом. Он не знал, как они получались, и чем отличались, допустим, от вампиров, и чем дикие ллэ отличались от ллэ, служащих господам Пустошей, но... теперь все это было неважно. Он лишь подумал, что Демен идет вперед так, будто знает дорогу, причем хорошо знает. Впрочем, сам ведь сказал, что был здесь раньше.

Протащившись по широким и пустым коридорам, внезапно вынырнули в огромный зал. И в самом его конце, на высоком, высеченном из цельного куска обсидиана троне, сидела она.

«Владыка Теф, помоги перенести муки предсмертные. Пусть мое забвение будет недолгим, заведи к себе верного слугу твоего...»

Откуда-то сбоку всхлипнула Росинка. Он покосился на девушку: ту под руки держали два воина. Если бы не они, бедная Роса непременно упала бы.

Демен решительно выступил вперед, загоразивая госпожу Пустошей от Стефана. Поклонился, с достоинством, не раболепно.

– Да будут долгими твои ночи, госпожа. Мы привезли тебе обещанное и надеемся на то, что и ты выполнишь свою часть сделки.

...Смех. Тихий, невеселый. Бездушный. Стефан вдруг подумал, что так могла бы смеяться дорогая кукла, у которой голова из тонкого фарфора, а глаза, брови, рот... все нарисованное, ненастоящее.

– Ты уже был здесь однажды. Решил вернуться?

Ее голос. Стефан ощутил, как от мягкого, словно шелк по коже, голоса зашевелились волосы. Под ребрами все стянулось в тугий, тошнотворный узел, разлилось приторно-сладкой жутью по венам.

«...И обереги от исчадий Хенеша...»

– Но, прекрасная госпожа, кроме меня мало найдется охотников сюда прийти, – совершенно спокойно ответил Демен.

И Стефан даже удивился – сотник Велеслава не боялся вампира. Вообще не испытывал страха. Как такое могло быть?

– Ты в самом деле привез мне человека, который убил моего мужа?

В спокойном, шелковом голосе скользнули нотки сомнения.

– Вы можете убедиться в этом, госпожа, – и Демен еще раз поклонился.

– И правда, могу, – согласилась она и поднялась.

Демен отошел в сторону, как будто специально давая Стефану насладиться тем, как идет к нему смерть. Ничто не изменилось в облике госпожи Пустошей с их последней встречи: все то же бледное лицо, как будто вылепленное из алебаstra, темные волосы с кровавым отливом, стянутые по бокам в пирамиды из кос. Все то же платье из черного кружева, притягивающее взгляд к белому, точенному телу вампира, к аккуратным темным соскам, просвечивающим сквозь кружево...

Двигалась она... именно так и должна двигаться нежить – с неуловимой грацией хищницы, плавно, словно ступни не касались грубо отесанных каменных плит пола.

Стефан только стиснул зубы. В душе проснулся отвратительный, пожирающий разум страх перед вампиром, хотелось сжаться, спрятаться, а еще лучше, обратившись тоненькой струйкой дыма, навсегда улететь из этого места.

«Теф, помоги», – попросил он, зажмурившись.

Но покровитель молчал.

А когда Стефан открыл глаза, встретился взглядом с госпожой.

В их последнюю встречу она плакала, проливая слезы по убитому супругу. Сейчас – сдержанно улыбалась. Стефан удивился тому, что губы у нее не ярко-алые, какие должны быть у вампира, а нежного розового цвета. Пухлые, с трогательной ямкой на нижней губе... В серых глазах играли багряные блики.

– Это в самом деле он, убийца моего Эйвана, – госпожа склонила голову набок, как будто раздумывая. Затем повернулась к Росинке, – а это *что*?

– Владетельный князь Велеслав передает... невесту, – пояснил Демен, – невеста князя Стефана.

– О, как мило, – уронила госпожа.

Медленно, очень медленно обошла Росу, принохиваясь. Затем поправила девушке косу. Легко прикоснулась к грязной щеке.

– Невеста, так и не ставшая женой, – донесся до Стефана раздражающе-шелестящий шепот, – как интересно...

– Демен, – позвала госпожа, – владетельный князь Велеслав превзошел все мои ожидания. Впрочем, его ожидания тоже не будут обмануты. Как ты помнишь, свои обещания я держу.

Она пощелкала пальцами, и откуда-то сразу набежало ллэ. И вот тогда-то Стефану действительно стало страшно: десять умертвий, десять не-живых и не-мертвых, одетых кто во что, вернее, кого в чем застала эта кошмарная не-смерть. Двигались они так, словно их скелеты были лишены суставов. И все взгляды – ужасающе живых, блестящих и как будто стеклянных глаз – были устремлены на госпожу.

Она повернулась к трону, спиной к пленникам, позволяя рассмотреть утонченный узор кружева, едва прикрывающий совершенные ягодицы.

– Раздеть, помыть и подготовить в ритуальном зале.

А затем обронила:

– Демен, иди за мной. Я отдам тебе то, что обещала. Твои люди пусть выходят за ворота.

Их никто не тронет.

Стефан закрыл глаза.

Он ощущал на себе прикосновения холодных рук, ногти царапали кожу. Стояла страшная, давящая тишина, прерываемая лишь шорохом ног ллэ и беспомощным шелестом срываемой одежды. Он подумал, что Росинка уже точно сошла с ума от ужаса. Человек не должен переживать *такое*. Кто-то из ллэ, не удержавшись, лизнул ему грудь. Стефан дернулся, увидел, как на него смотрит нежить, бывшая когда-то простым крестьянином. В блестящих, словно бусины, глазах полыхала жажда, вечная и неутолимая.

«А ты еще не знаешь, что *тебя* ждет», – прошелестело в мыслях.

И – смех, тихий, бездушный.

– Росинка, – позвал он, – ты меня слышишь?

Его растянули цепями на каменном алтаре так, что не мог и шевельнуться. Одно хорошо, к рукам и ногам медленно возвращалась чувствительность. Росинку точно так же прикрутили к мраморному саркофагу. В свете факелов ее обнаженное тело мелко подрагивало, покрывшись капельками пота, казалось изваянным из перламутра.

Она не ответила. Только повернулась и посмотрела – долгим взглядом, в котором почти не осталось рассудка. Только смертный покой.

– Росинка, – прошептал Стефан, – прости меня...

Не нужно было жениться на девушке только из-за воинов и серебра, что обещал ее отец. Пусть бы одного его скрутили и привели к госпоже.

Он вздохнул и закрыл глаза.

Здесь было холодно, как и в любом подземелье. Тяжелые круглые своды над головой. Трепещущий свет факелов. С той стороны, где была прикована Роса, в большой жаровне тлели угли, и Стефан даже ощутил нечто вроде любопытства – неужто для него подготовлено?

В том, что госпожа Пустошей будет развлекаться всю ночь, сомневаться не приходилось.

Он снова начал молиться, обращаясь к Тефу, и на душе стало спокойнее. В конце концов, он князь и примет любую смерть, как принял бы ее на поле брани.

Но в бою – это быстро. А здесь?..

Стефан пошевелился, звякнули оковы. Снова подумал о том, что нужно уговорить вампиршу отпустить Росинку. Неведомо, к чему тут взывать, то ли к жалости, то ли к тому, что обе они женщины...

«А Демен, стервец, и не боится госпожу, – мелькнула неприятна мысль, – как же так?»

На этот вопрос он так и не успел себе ответить. Заскрипела надсадно отпираемая дверь, и в поле зрения появилась госпожа.

Она была одета в черный, в пол, шелковый халат. Тонкая ткань, хоть и была сплошной в отличие от платья, все так же хорошо обрисовывала каждый изгиб ее тела. Только вот глаза больше не были серыми, радужки наполнились кровью.

– И так, – сказала она негромко, подходя к Стефану, – не вижу смысла тянуть. Ты убил моего мужа, Эйвана, с которым я прожила более двух сотен лет. Я любила его. Правда, любила. И теперь... надеюсь, ты понимаешь, что тебя не ждет ровным счетом ничего хорошего.

Стефан молча кивнул. Конечно же, она в своем праве, мстить за убитого.

Вампирша обворожительно улыбнулась, одними губами, развернулась к нему спиной.

– Но начнем мы с этой сладкой девочки, которую ты даже не успел одарить своей любовью. Так, князь?

– Отпусти ее, – слова давались тяжело, как будто застревали в горле, – что она тебе сделала? Она ни в чем не виновата. Ты хотела меня, и ты меня получила. Отпусти!

Тихий смех, выпивающий все чувства. Отнимающий остатки тепла из измученного тела.

– Отпустить? Я не могу ее отпустить, князь Стефан. Я не буду лишать эту милую девушку удовольствия, которое не дал ей *ты*. А что ты думаешь об этом, милая?

Стефан повернул голову. Со своего места он прекрасно видел, как вампирша обошла Росинку, легко прикасаясь пальцами к ее телу. Девушку затрясло. Может, она и была не совсем при памяти, но происходящее внезапно накрыло ее тяжелой волной понимания.

– Отпусти ее! Не смей, тварь! – крикнул Стефан.

Дернулся, звякнул цепями – все бесполезно.

Снова тихий смех, от которого все скручивается в тугой узел под ребрами. Росинка всхлипнула.

– Как весело, – заметила вампирша, – убивая моего Эйвана, ты ведь не думал о последствиях, *человечек*?

– Меня мучай, – выдохнул он, – не трогай. Ее. Не трогай...

– А почему я должна себе отказывать в маленьком удовольствии?

Со все возрастающим ужасом Стефан следил за тем, как алебастровая ладонь госпожи легла на маленькую округлую грудь Росинки и начала поглаживать, легонько пощипывая сосок.

– Тварь.

– Да, это так. Не лучше, но и не хуже многих твоих соотечественников. Например, не хуже Велеслава.

Вампирша улыбнулась ему, демонстрируя удлинившиеся клыки, белые, блестящие. Наклонилась к лицу Росинки, несколько мгновений смотрела ей в глаза, а потом поцеловала.

– Не смей! Не смей ее трогать!

...Все бесполезно.

Поцелуй, отвратительный и одновременно притягательный в своей противоестественности, длился и длился. Тонкая рука вампирши, порхая бабочкой, ласкала невинное тело его невесты. Девушки, которую он не успел сделать своей. Стефан стиснул железные скобы, по пальцам потекла кровь, но он не чувствовал боли.

«Теф, пусть это скорее закончится...»

Вампирша оторвалась от губ Росы, повернулась к нему.

– Видишь, твоей невесте нравится.

– Сука. Грязная, мерзкая сука.

Госпожа только приподняла брови и вернулась к своему занятию. Ее язык проложил влажную дорожку по шее Росы, протанцевал по груди, обвел сосок. Стефан зажмурился. Нет-нет. Должно же в этой госпоже остаться хоть что-то человеческое?! И тут в его темноту ворвался стон удовольствия.

– Да-а, – выдохнула его невеста, – да...

– Я тебя убью. Ты будешь сдыхать в страшных мучениях, – пообещал Стефан вслух, глядя как руки вампириши ласкают белые бедра девушки.

Внезапно Росинка, его милая, ни в чем не повинная Росинка содрогнулась всем телом, издала полный сладострастия стон и вытянулась на крышке саркофага. У Стефана потемнело перед глазами. Он должен был... прекратить все это... должен...

И тут же – короткий, полный боли вскрик.

Теперь госпожа Пустошей, словно черная клякса на белоснежном теле, распласталась на Росинке, продолжая поглаживать ее грудь, присосавшись к шее как пиявка. Лицо Росинки, на беду, было повернуто к Стефану, и он видел, как с каждой минутой тускнеет ее взгляд.

– Пощади! – это вырвалось помимо его воли.

Вампириша оторвалась от пиршества, красивые губы измазаны в крови. Глаза, залитые кровью. Она медленно облизнулась.

– Это ты, ничего не зная о нас, был беспощаден. Теперь ты знаешь, что тебя ждет.

А затем, быстро лизнув рану Росинки, прокусила себе запястье и насильно влила девушке в рот несколько капель темной крови.

Неторопливо выпрямилась, подошла.

– Из нее выйдет прекрасная служанка, мой милый. Ну что, самое время заняться тобой? Стефан поморщился.

– Зачем тебе... было все это?

– После любви кровь слаще, – вампириша облизывала перепачканные пальцы, рассматривая его, простертого на камне.

– Да я вижу, тебе тоже понравилось представление, – прошипела с улыбкой.

– Я не понимаю, как боги допустили ваше существование, – только и сказал Стефан.

И внезапно вампириша совершенно серьезно сказала:

– Ты мало что знаешь, князь. Но уже и не узнаешь.

Она очень нежно, трепетно коснулась его щеки, разворачивая лицом к себе. Оперлась локтями о камень. Стефан ощутил сквозь тонкую ткань ее грудь, упругую, словно у юной девушки.

– Всего лишь один глоток, – прошептала вампириша, касаясь языком шеи, проводя влажную полоску, – но этих глотков будет много... О, у нас много ночей впереди, мой князь...

Стефан невольно дернулся, почувствовав легкое покалывание. Клыки. Да, как он забыл. Она этими клыками разрывает плоть, добираясь до яремной вены. Вампириша резко выдохнула, словно именно сейчас получала удовольствие от происходящего.

– Ты сладко пахнешь, князь...

А еще через мгновение Стефана пронзила боль. И страшный холод, как будто его бросили в прорубь. Но одновременно с этим... он внезапно ощутил взрыв удовольствия, как если бы был с женщиной.

Стон. Его? Его собственный? Смешанный с ее стоном?

И все вдруг прекратилось.

Осталось подземелье, не-живая уже невеста, прикованная к мраморному саркофагу, он, едкая боль у основания шеи и тяжело переводящая дыхание вампириша.

– Ты... ты! – сжав кулаки, она в гневе топнула ногой.

А затем, ничего не говоря, выскочила прочь, лязгнув тяжелой дверью так, что посыпалась штукатурка.

Глава 3. Зоринка

Зоринке всегда говорили, что она с придурью. То ли дело – старшие сестры? Все красавицы, как на подбор, черноволосые, белокожие и, что самое главное, умные. А она получилась уродом в семье, рыжей, усыпанной веснушками и слегка блажной. Так ей говорили.

Будет ли дочь богатого военачальника убегать с босоногими парнями пасти коней? Нет. Будет ли девица из столь знатной семьи обряжаться мальчишкой? Сто раз нет. Будет ли благородных кровей девушка таскаться с приятелем-мечником на конюшню и там – да закроет на это глаза златокудрый Теф! – учиться стрелять из лука?.. Да разве что под угрозой неминуемой, ужасной смерти!

К семнадцати годкам Зоринка окончательно вжилась в роль слегка дурковатой девицы, а потому плевать хотела на увещевания няnek и наставниц из тефова капища. Она довольно сносно ездила верхом, по-мужски, недурственно стреляла из лука и даже могла одолеть в кулачном бою не слишком крепкого ровесника.

Но кому какое дело до твоих несомненных достоинств, когда добрый конь – съеден нежитью, лук и стрелы потеряны, ты сидишь высоко в развилке дерева, а внизу медленно ходит кругами совершенно дикий, изголодавшийся по свежему мясу ллэ?

Зоринка всхлипнула и вытерла нос рукавом. Хенеш. Надо ж так, а?

Она... в общем, она ничего такого не предвидела. И в страшном сне не приснится.

Так получилось, что ночью ездила к озеру, гадать на рожках Сифа, что судьба уготовит. Для гадания было подходящее время, старшая сестра – Роса – выходила замуж за владетельного князя Стефана. Именно в такую ночь Сиф-прорицатель мог явить будущее, нужно было только отправиться к озеру, и чтоб вокруг ни души. Ночь, степь, озеро? Зоринка не испытывала и тени сомнений по поводу того, должна ли девушка одна отправляться туда. Седлала коня, прихватила лук со стрелами, на тот случай если мелкого зверя подстрелить, и поехала. Возвращалась далеко за полночь, раздосадованная и сонная. Сиф ничего интересного не явил. Вернее, вообще ничего не явил.

На заветном повороте к городскому тракту, у старого, расщепленного молнией дуба, Зоринка спешила, привязала коня и присела в траву по нужде. А потом услышала, что кто-то едет в ночи.

Это было тихое бряцание оружия и фыркание коней. В тишине отчетливо слышалось, как время от времени люди переговариваются меж собой, но что говорили – не разобрать. Зоринка завела коня поглубже в тень, сама затаилась. Мимо проехали всадники, направляясь куда-то на запад. Но Хенеш со всадниками. Чувствуя, как проваливается в черную дыру сердце, Зоринка увидела, что на одной из лошадей везут бесчувственную женщину. В свадебном платье Росинки.

Ночь была недостаточно темна, чтобы не узнать его. Сама помогала сестру к свадьбе наряжать. Парчовое, тяжеленное, расшитое жемчугом. Отец не скупился, покупая самое лучшее у торговцев...

Первым порывом было закричать, окликнуть этих странных людей, но Зоринка только вцепилась зубами в костяшки кулака, прокусывая до крови. Надо было ехать в город, к отцу, надо было рассказать, снарядить погоню...

«А они пока уйдут так далеко, что и не найдешь», – тут же решила она.

Зоринка насчитала четверых всадников. На поводу вели двух коней, на одном – Роса, на другом – связанный по рукам и ногам мужчина.

Происходящее не укладывалось в голове и казалось потехой Хенеша. Росинка... Князь Стефан? И куда их везут?.. Кто эти странные люди?

Пока она стояла в тени, кусая кулак, последний, замыкающий страшный караван всадник растворился в ночной тьме. Куда теперь? В город? А толку?..

И Зоринка, вскочив на верного Буланого, двинулась следом, стараясь не терять из виду замыкающего и держаться на таком расстоянии, чтобы в случае чего, успеть дать стрекача.

Впрочем, ей везло. Ее не заметили – ни следующим утром, ни днем. Ей очень хотелось пить. И есть. Затея следовать за похитителями сестры, казалась все более глупой и никчемной. Загнала сама себя в ловушку. Теперь и назад повернуть глупо, и дальше ехать... зачем? Что она сможет сделать четверем крепким мужчинам?

А потом случилась беда. Беда бросилась серым спутанным комом под ноги Буланому, оскалилась острыми, словно иглы, зубами. Конь встал на дыбы, Зоринка покатила в колкие кусты. Дальше... она плохо помнила, что случилось дальше. Владыка-Теф словно нарочно зарисовал воспоминания угольком. Сквозь черноту накатившего животного страха, липкого, лишающего воли ужаса, просачивались почти человеческие крики коня, чавкающие звуки рвущейся плоти, серые, неестественно гибкие тела, накрывшие Буланого... Зоринка бежала. И успела. Ломая ногти, сдирая кожу на локтях и коленях, забралась на ясень. Плакала, прислушиваясь. Дикие ллэ, проклятие земель близ Пустоши, рвали тело Буланого. Она молила Тефа, чтобы они насытились и побрели кто куда... Но нет. Один почуял ее, завыл тоскливо, задирая к небу мраморно-белое лицо, вышел к дереву. Остановился, со свистом втягивая воздух давно переломанным носом. Ллэ был совсем дикий, одежды на нем почти не осталось. Белое тело покрывали черные корки запекшейся крови. И Зоринка поняла, что он ее прекрасно видит. Только вот не соображает, что нужно залезть на дерево. Или просто не может...

– Уйди! Пшел прочь! – сквозь слезы выкрикнула она.

Блестящие и бездушные, словно стекляшки, глаза уставились на нее. Ллэ глухо зарычал, показывая клыки. Подошел, попробовал потрусить дерево.

– Оставь меня! Пшел, убирайся! Проваливай к Хенешу! – пискнула Зоринка, до судорог в пальцах вцепляясь в заходивший ходуном ствол.

Ллэ отошел, сделал пару кругов вокруг дерева, не сводя взгляда с Зоринки. Потом остановился чуть поодаль и застыл, не предпринимая никаких попыток добыть себе пищу, оказавшуюся столь строптивой.

И тогда Зоринка заплакала.

Она вдруг представила себе, как спустя много лет ее скелет найдут на дереве, потому что теперь она точно умрет вот так, стоя в развилке и обхватив руками ствол. Ее мучила жажда. А ллэ просто замер на месте и ждал. Ему можно было не торопиться.

– Дура, какая же ты дура, Зоринка, – всхлипнула девушка, – Хенеш тебя дернул... надо было сразу звать на помощь...

Так она простояла остаток дня. Надежда на то, что ллэ отправится восвояси, стремительно таяла. По небу брызнули первые звезды, зашумел в листве ветер. С востока катилась ночь, окрашивая небо в цвет черничного сока.

Зоринка уже не плакала, слезы высохли. Спину будто железным прутом проткнули. Ноги дрожали, грозя соскользнуть с ветки. Губы потрескались, во рту пересохло, и язык-терка неприятно царапал небо.

«Как же так? Как могло такое получиться?» – мысли текли неторопливо и очень вяло, будто кисель, – «почему со мной?»

Она, щурясь, высмотрела в сумерках ллэ: он по-прежнему бродил туда-сюда, шелестя сухой травой, похрустывая ветками. И Зоринка подумала, что, возможно, лучше всего не затягивать агонию, а взять – и соскользнуть вниз? Тогда все произойдет быстро. Возможно, она даже не успеет почувствовать сильную боль.

Вдруг ллэ встрепенулся, поднял голову, засопел хрипло.

«Почуял что-то», – сонно подумала девушка.

А потом она услышала... Лошадиное ржание, знакомое бряцание оружия. Надежда встрепенулась птенцом в душе, Зоринка набрала в легкие побольше воздуха и закричала:

– Помогите!!! Э-эй, кто-нибудь! Помогите-е-е! Тут нежить!

Все стихло. Зоринку затрясло, она вдруг решила, что кто-то ехал мимо и, испугавшись, наоборот теперь объезжает ее десятой дорогой.

– Эй! Помогите! – хрипло прокричала она, все еще не веря, что никто не придет и не поможет.

Лошадь заржала совсем неподалеку. И, ломая тонкие ветки кустарника, из темноты вынырнул всадник на огромном вороном скакуне. Ллэ взвыл, завидя такую гору мяса и рванул к вожделенной добыче, на четвереньках, отталкиваясь от земли и руками и ногами.

«Сейчас сбежит», – пронеслась полная усталой безнадежности мысль.

Но всадник, вместо того, чтобы броситься наутек, дал шпор коню и, склонившись с седла, лихо развалил нежить пополам. Только тошнотворно хлюпнула падающая плоть. Затем спешился, пнул носком сапога белое тело, и гаркнул басовито:

– Здесь нежить! И... девка на дереве!

«Спасибо тебе, Теф», – Зоринка прикрыла глаза.

– Слазь, – коротко скомандовал мужчина, подходя ближе, – как ты тут оказалась?

В темноте он сам казался бледным мертвецом. Черные волосы, черные глаза на белом лице. Зоринка помедлила. Отчего-то ей сделалось страшно, как будто и нее только что спасли от жуткой смерти.

– Слазь, – повторил спаситель, вытирая саблю пучком травы.

Она начала неловко спускаться.

Тело затекло, Зоринка сделала пару неловких шагов и рухнула лицом вниз.

– Э, так дело не пойдет, – пробурчали над ней.

Железные руки подхватили ее под мышки, поставили на ноги.

– Стой! – внезапно голос мужчины скатился в сиплый шепот. Он довольно бесцеремонно приподнял лицо Зоринки, пристально вглядываясь, – я тебя знаю, ты же... дочка старого Мера? Какого... Хенеша... ты здесь делаешь?!!

Зоринка сглотнула.

Она тоже узнала своего спасителя, это был Демен, сотник Велеслава. Только почему-то не обрадовалась такой встрече, нахохлилась в его сильных руках.

– А ну, отвечай, – прошипел он, – почему ты здесь?!!

– Я... – Зоринка сглотнула, – я шла, чтобы узнать... куда увезли мою сестру...

Демен что есть силы тряхнул ее за шиворот, так, что зубы лязгнули.

– Умолкни! Слышишь?... Не смей...

Но тут Зоринку прорвало. И она, всхлипывая, глотая невесть откуда взявшиеся слезы, забормотала:

– Какие-то люди увезли мою сестру, Демен! Ты мне поможешь ее спасти? Поможешь?

– Замолчи, – зло процедил он, снова встряхивая ее, – забудь...

– Ба! Что это тут у нас?

Демен так сжал Зоринку в медвежьих объятиях, что она аж задохнулась. А он ответил подоспевшим спутникам:

– Да так, с дерева снял... одну...

Девушка протестующе замычала, поскольку Демен грубо зажал ей рот. Попыталась брыкнуться.

– Девка – это хорошо, отдохнем после трудов Хенешевых, – заметил кто-то.

– Отчитаешься перед Велеславом, тогда и будешь отдыхать, – огрызнулся Демен, все еще удерживая Зоринку и зажимая ей рот широкой мозолистой ладонью.

А на ухо ей прошептал:

– Молчи, прошу тебя. Просто... молчи.

Она торопливо закивала, и хватка немного ослабла.

Демен даже позволил ей повернуть голову и посмотреть на спешившихся воинов. Один из них как раз пнул зарубленного ллэ, сплюнул в траву.

– Демен, Хенеш тебя дерит. Надо ехать дальше. Здесь этой падали много гуляет, госпожа за всеми не следит.

– Сейчас и поедem.

– Откуда здесь девка-то?

– Сам не знаю. Видать, ллэ загнали...

– Ты не понял, – к ним очень близко, почти вплотную подошел коренастый мужчина в кольчуге. Светлые волосы вихрами торчали из-под шапки. – какого Хенеша баба оказалась ровно у нас за спиной?

И уставился на Зоринку злыми, белесыми глазищами.

– Может, ты ответишь, краса?

И тут на Зоринку снизошло понимание, что она – совершенно одна среди людей, которые выкрали и куда-то увезли ее сестру и владетельного князя Стефана. И что если она сейчас проговорится, то ее непременно убьют. Вот прямо здесь, рядом с ллэ.

– Я... я... – забормотала испуганно, опуская взгляд, – за мной гнался ллэ... не знаю...

– Видать, из ближней деревни, – заключил Демен, – ну что, по коням, что ли?

Но белобрысый не отступал. Он дернул Зоринку на себя, заржал весело, прижимая к себе и стискивая здоровенными лапищами. Затем крутанул ее, разворачивая к себе.

– Это же дочка старого Мера! Та, которая дурковатая! Небось, папаша уже весь город перерыл, ее разыскивая, а она тут...

И уже с какой-то отвратительной, липкой лаской в голосе спросил:

– Красотуленька, что ты здесь делала, а?

– Давай вернем ее Мера, – буркнул Демен.

Но трое его сотоварищей, видимо, придерживались строго иного мнения.

– А если она шла за нами, а? Демен, ты после постели госпожи совсем одурел? Она у тебя мозги выпила, что ли? Прибить дурочку здесь, и все. Болтать начнет, люди узнают... разговоры пойдут...

Зоринка повисла куклой в лапищах белобрысого. Небо, темное небо кружилось над ней в неистовом танце. Виски раскалывались от боли. Как сквозь плотное одеяло, доносились голоса:

– А то давайте сейчас жребий кинем, кому сколько раз? Девка-то годная, только умом скорбная. А потом по горлу – и все.

Зоринку затошнило, когда страшные руки больно сжали грудь. И, уже совсем не соображая, что делает, она извернулась змеей и вцепилась зубами в щеку обидчика.

– Ах ты, сучка! – ее швырнуло на землю. Половина лица звенела, наливалась болью.

– Оставь ее, – голос Демена прозвучал холодно и отстраненно, – я сам ее убью. Просто убью. И все. Нельзя измываться над дурочкой, боги не простят. Куда свой хрен вставить, вы и так найдете, чай, не маленькие.

Зоринка тихо заскулила, когда ее сграбастали за шиворот и поволокли куда-то в сторону, сквозь кусты. Она едва успевала перебирать ногами, ветки хлестали по лицу, по плечам, царапали руки. Потом ее с размаху швырнули на землю.

– Поднимайся, – негромко произнес Демен, – тебе не нужно было идти за нами.

– Моя сестра... – пискнула девушка, с ужасом глядя на темный силуэт сотника.

– Забудь о ней. Она осталась в замке на пустоши.

– Как ты... мог...

– Я выполнял приказ своего господина, – Демен пожал плечами, – да и какая разница? Поднимайся и молись Тефу, чтобы быстрее забрал тебя к себе.

Зоринка встала кое-как. Ее мутило, перед глазами плясали разноцветные точки. Щеки пылали, разбитая скула пульсировала болью. Выходит, все? Сейчас ее просто убьют?

– Демен, – прошептала она, видя в руке мужчины простой охотничий нож, – что плохого я тебе сделала?

– Ничего.

Он обогнул ее, заходя сзади, прижал к себе спиной, одной рукой приподнимая подбородок.

– Все мы рано или поздно попадаем к Хенешу.

– Демен... почему ты меня убиваешь? – она ощутила холода стали на коже, сглотнула.

– Если я не убью тебя, мне придется убить троих, – тихо сказал он.

– Умоляю...

– То есть ты предлагаешь мне поменять свою жизнь на жизни трех воинов?

– Нет, – Зоринка зажмурилась, откинулась назад, прижимаясь всем телом к Демену.

Хенеш холоден и страшен, равно как и чертоги его.

И в то, последнее мгновение, она потянулась к обыкновенному теплу живого человека.

– Я не хочу твоей смерти, – Демен выдохнул это ей в макушку, – что ты можешь предложить такого, чтобы я пошел и убил тех троих?

– Отец дает за мной богатое приданное, – сипло сказала она, отстраненно понимая, что теперь как никогда похожа на дурочку, на скорбную умом младшую дочку старого Мера. Брякнула первое, что в голову пришло, и сама же этого устыдилась. На сердце было так мерзко и страшно, что хотелось кричать, расцарапать Демену лицо и сбежать. Но как тут сбежишь?

Ответом была тишина. Тягучая, выматывающая последние силы. А потом – тихий, едва различимый голос убийцы.

– Такого мне еще не предлагали. Потом, дома, не пойдешь на попятную?

Зоринка мотнула головой. И, всхлипнув, пробормотала:

– Слово даю.

Внезапно ей стало холодно, и она поняла, что Демен отстранился.

Приказал:

– Чтоб отсюда – ни шагу. Убежишь – точно убью.

И исчез в кустах, бесшумно и быстро.

Зоринка несколько мгновений смотрела ему вслед. Затем медленно огляделась, невольно провела рукой по шее, там, где прошлось лезвие ножа. Внезапно лес завертелся перед глазами, к горлу подкатила тошнота, и Зоринка полетела в кромешную темноту, не успев даже испугаться.

...По лицу прыгали солнечные зайчики. Зоринка зажмурилась, открыла глаза и невольно застонала от пыхнувшей жарко боли. Половину головы дергало с каждым ударом пульса. Тут же кто-то очень осторожно подsunул ладонь под затылок, приподнял голову. Губ коснулась гладкая поверхность кружки.

– Пей, милая...

Зоринка узнала голос нянюшки Лесты.

«Значит, дома».

Она сделала несколько глотков, через силу. Варевое было отвратительно-горьким, катилось огненными комками в желудок.

– Ох, Зорюшка моя, Зорюшка, – завздыхала старая Леста, – Хенеш тебя понес ночью в лес! Что ты там забыла? Батюшка страшно гневается, грозился тебя выпороть, да уже и не может. Демен, что служит Велеславу, объявил, что берет тебя в жены, и что ты дала согласие. А теперь Велеслав наш владетельный князь, ничего супротив не скажешь...

Зоринка приоткрыла глаза и сквозь ресницы, на свет, посмотрела на Лесту. Старушка сидела, сгорбившись, на стульчике. Худые плечи укрывала теплая шаль из небеленой шерсти. Седые волосы убраны под беленький платочек. И добрые подслеповатые уже глаза, и расходящиеся вокруг морщинки...

– Я не помню... что случилось... – каждое слово давалось тяжело.

На самом деле она-то помнила. Нож, прижатый к горлу. Собственный жалкий писк о том, что, мол, отец приданым не обидит. Обжигающе-горячее тело Демена, к которому в тот короткий миг почему-то хотелось прижаться, чтобы спрятаться от самой смерти.

А потом он пошел убивать трех воинов, с которыми увозил Стефана и Росинку. Убивать исключительно потому, что золото и родовитость всегда в почете и никогда лишними не будут... Горло сжалось внезапно подступившими слезами. Выходит, она купила свою жизнь, и теперь – невеста Демена. Невеста предателя и убийцы.

– Деточка, это все потому, что Теф обделил тебя умом, – просто сказала нянюшка, – ты отправилась зачем-то ночью в лес. А через день тебя привез Демен в беспамятстве. И сразу к батюшке твоему пожаловал, мол, беру в жены Зоринку. Батюшка разозлился, сказал Демену, что не отдаст свою, пусть и блажную, дочку какому-то безродному и нищему. На что сотник отвечал, что ты уже дала согласие, и что ежели Мер будет чинить препятствия, то он пожалуется прямиком владетельному князь Велеславу. Ну, а все знают, что Демен при Велеславе неотлучно, и что выполняет все поручения князя... Тут не поспоришь. И батюшка твой согласился, но с условием, что свадьбу сыграете через сороковину...

«Сороковину», – повторила про себя Зоринка, – «это потому, что Росинку считают погибшей...»

– Ох, Зоринка, – няня вздохнула и погладила девушку по голове, – как же так? Что он тебе сделал, этот душегуб проклятый? Чем запугал? Ведь приехал сюда весь кровью забрызганный...

– Не запугивал, – пробормотала Зоринка, – я... сама...

И правда, сама. Дала обещание стать женой чудовища.

– Леста, – тихо позвала она, – скажи... батюшка сильно гневается?

Старушка только плечами пожала.

– Когда ты пропала, он места себе не находил. Посылал отряд на поиски. И, детонька, много чего еще случилось в ту ночь. Сестра твоя и князь Стефан пропали бесследно. Никто не знает, где они, но Велеслав утверждает, что видел виверну госпожи Пустошей. Мол, это кровососка проклятая утащила и князя, и молодую жену его.

«Вот, значит, как», – Зоринка устало прикрыла глаза.

Боль отступала, убаюканная горечью снадобья, но вместе с этим накатывала необоримая сонливость.

– Зоринка, – внезапно позвала Леста, – Демен сказал, что отбил тебя у разбойников. Скажи мне, детонька, они не успели причинить тебе вред?

Она лишь покачала головой. Понятно, о чем спрашивает нянечка. Об этом всегда перешептываются служанки на кухне. И об этом же у самой Зоринки познаний было маловато. Конечно же, она знала, как это бывает у животных. Но почему-то никак не могла примерить то же к себе. Как-то отец проговорился, что вряд ли такую блажную замуж кто возьмет, а потому судьба Зоринки – капище Тефа. Ошибся, значит.

– Я поплю, нянюшка, – прошептала она, закрывая глаза, – а ты пойди, скажи отцу, что я в самом деле дала Демену согласие. Пусть приданое готовит.

Но, засыпая, она подумала о том, что негоже отступаться от своего, и что все равно нужно вызволить сестру из замка госпожи. О том, что Росинки уже нет среди живых, Зоринка даже не думала. Скорее всего, вампирша держит Росу и князя Стефана в плену, они томятся в подзе-

мелье и их во что бы то ни стало нужно выволить. Но только как это сделать? Самой отправиться в путь – и опасно, и глупо. А что, если?..

Глава 4. Горячо любимый сосед

Лорин пришла в себя на ледяных камнях подземелья. Она лежала, скорчившись, поджав ноги к груди. Благодатное чувство насыщенности снова пропало, уступив место холодной, вечно сосущей темноте. Камни Крови, дери их Некрос.

Она медленно распрямилась, вытянулась на полу. Что-то произошло буквально за миг до того, как проклятые камни достали ее своей вечной магией, что-то очень важное... Лорин потеряла лоб. Да, она насытилась от невесты своего врага и сделала ее безмолвной ллэ. Да, она насладились мстостью сполна, унизив, втоптав в грязь бывшего князя. Показав, что он – ничто в ее замке, и что она может использовать его как постельную игрушку столько, сколько захочет. Как и ту черноволосую и белокожую девушку с такими пухлыми, вкусными губами (тут Лорин непроизвольно облизнулась, вспоминая, как сладко стонала девица перед тем, как собой насытит госпожу). А потом она погрузила клыки и в его плоть, вкусную, живую... И в тот миг, слизнув первые пряные капли, Лорин поняла, что мир перевернулся.

Произошло то, чего все они так ждали: эти ущербные земли, к которым их навсегда привязала магия Крови, породили *некрманта*.

Князь Стефан, убийца ее мужа, по печальному стечению обстоятельств родился магом, способным видеть энергетические поля мертвого.

Стефан, мать его, мог сделать то, чего не сделала горстка избранных несколько сотен лет назад.

Но должен был этого захотеть.

А захочет ли? После того, что Лорин вытворила с его невестой, да и с ним самим?!!

Она застонала, вцепившись ногтями в голову. Как глупо все вышло! И теперь понятно, почему этот человек смог убить Эйвана. Просто... он был некрмантом и мог противостоять всему неживому. Эйван не был живым, не человек – сплошная насмешка над тем, кем все они когда-то были. И потому князь Стефан смог убить вампира.

И что теперь?

Идти, просить прощения, ползать на коленях?

Лорин подозревала, что Стефан не из тех, кто простит *такое*.

Да и, кстати, куда идти?

Лорин выругалась. Она так и оставила князя прикованным к древнему алтарю. Сколько времени прошло с того момента, как камни Крови присосались к ней?

Она поднялась на ноги и заковыляла вперед. Сердце, скованное магией, погнало кровь по жилам с удвоенной скоростью. В висках бухал пульс.

– Пожалуйста... пожалуйста-пожалуйста, – бормотала Лорин, торопясь к камере, где должен был находиться узник.

Нехорошее предчувствие подсказывало ей, что она провалялась в забытии слишком долго...

Вот и дверь. Лорин, кусая губу, с силой толкнула ее. Ее встретили крошечная темнота и холод. Где-то звякнули цепи, и Лорин поняла, что ее почуяла ллэ. Вампирша закрыла глаза, открыла, поморгала. Дар ночного зрения позволил рассмотреть неподвижную фигуру мужчины, все еще растянутого на цепях.

– Стефан, – хрипло позвала она.

Облизнулась невольно. В камере все еще витал будоражащий запах крови. Его крови...

Никто не ответил, но она слышала дыхание, тяжелое, с присвистом.

Лорин скользнула вперед, пощупала пульс на шее. Сердце князя безудержно колотилось о ребра, и сам он горел.

– Ох, нет! – Лорин в два шага оказалась рядом с давно погасшей жаровней, подхватила ключи.

Еще несколько минут, и цепи попадали на пол. Лорин осторожно подсунула руку под голову мужчины, приподняла его, затем посадила. Стефан был как кукла и никак не реагировал на происходящее.

– Стефан, – еще раз позвала Лорин.

Вздохнула. Будет обидно, до слез обидно, если единственный некромант мира сего отправится к предкам. И все по ее вине.

– Ну, пошли...

Перебросив его руку себе на плечи, Лорин потянула на себя безвольное тело. Князь оказался изрядно тяжел, но ведь и она больше не была человеком: Лорин взвалила на себя Стефана как мешок и поволокла прочь из подземелья. Досадливо поморщилась, когда с противным хрустом по шву лопнуло ее кружевное платье. Да и Некрос с ним, ллэ новое сошьют!

Голова Стефана безвольно моталась на плече. Дышал он так, словно каждый вдох давался с трудом. И был очень, очень горячим.

«Что ж мне с ним делать? – мрачно размышляла Лорин, шагая по темным коридорам, – у людей нет хороших врачей, я тоже не целитель. Как быть?»

Поскольку единственными прилично убранными комнатами в замке были ее собственные, Лорин притащила Стефана туда. Сгрузила в свою пахнущую лавандой постель. Укрыла одеялом.

«Но этого мало, совсем мало!»

Поразмыслив еще, Лорин решила, что человека нужно хотя бы напоить, и лучше не водой. Она сходила в гостиную, взяла со стола графин с добрым крепким вином – тем самым, которое пил Демен. Налила в стакан и, осторожно приподняв голову человеку, попробовала влить ему в рот несколько капель.

Получалось плохо, просто отвратительно. Князь Стефан пребывал в беспомощности и не пил.

Лорин выругалась.

Надо было что-то предпринимать, но что?

Решение пришло внезапно. Если исцеление не входит в число умений вампиров, а люди вообще толком лечить не умеют, нужно изворачиваться. Использовать ту единственную магию, к которой вампиры имеют непосредственное отношение. Магию Крови. Ведь смогла же она зарядить амулет для Велеслава? Защита Крови, носимая владельцем, отводит стрелы и делает неуязвимым для всего, что режет, колет или рубит. Значит, наверняка есть возможность сотворить и амулет Исцеления. И ошибиться она уже не может, потому что ошибка будет означать смерть некроманта.

Лорин положила ладонь на высокий лоб Стефана. Жар не спадал, князь не приходил в себя. Она взгляделась в строгие черты лица своего врага: черные брови вразлет, слипшиеся стрелки ресниц, усы и короткая борода. Лицо правителя, сурового и решительного. Лорин провела пальцами по его искусанным, покрытым коркой запекшейся крови губам. Прикоснулась к ямке у основания шеи. Усмехнулась невесело.

– Ты не умрешь, князь. Я не могу отпустить тебя просто так. Еще не пришло время.

Она в задумчивости накручивала на палец локон. Магия крови всемогущая и смогла в свое время остановить расползание мертвых земель. Но сможет ли вылечить? Принимать решение одной было страшно. Вздохнув, Лорин поняла, что сейчас как никогда нуждается в совете.

Пустошь раскинулась пепельным полотнищем от южной оконечности материка до ледника, служа своеобразной прослойкой между княжествами и землями Некроса. На землях Пустошей не росло ничего – ни травинки, ни куста. Только камни и серая, лишенная плодород-

ной силы земля. Одиннадцать замков тянули иглы-башни к небесам, одиннадцать почти одинаковых замков, поднятых магией, высосавших саму жизнь из близлежащих земель. И каждый замок имел хозяина, кормящегося в княжествах.

Лорин торопилась. Состояние князя пугало ее; она все еще помнила, насколько хрупка человеческая жизнь. Лорин лупила хлыстом виверну, погоняя, но привязанная к ней неживая тварь и без того так махала перепончатыми крыльями, что того и гляди отвалится.

Прижимаясь всем телом к гладкой шее чудовища, Лорин пыталась размышлять, не подвываясь при этом панике. Итак, допустим, ей удастся поставить на ноги князя Стефана. А что дальше? Что?! Сказать ему нечто вроде – знаешь, дорогой мой, я убила твою невесту, но ты все равно помоги нам всем? Лорин даже улыбнулась, представляя себя, куда и как будет послана Стефаном. Нет, здесь требовалось что-то другое. Соблазнить князя? Еще никто не отказывался от постельных утех с госпожой пустошей. Правда, еще никто и не уходил от нее живым, исключая Демена. Да и особого выбора она никогда не давала... Мысли Лорин совершили головокружительный скачок от некроманта к сотнику Велеслава. Чем-то зацепил ее кареглазый оборванец, что был еще жив в темной душе Демена. Осталось в нем что-то трогательное и светлое, и это-то «что-то» и заставило ее остановиться тогда. Когда-то Лорин очень хотелось иметь собственных детей. Но не сложилось. Образ маленького Демена всколыхнул давно забытую горечь сожалений и понимание, что у нее никогда не будет уже ничего подобного, и все, на что она может рассчитывать – это просто небытие. Да и то, если Стефан сообразовит...

Виверна закладывала широкий круг над замком едва ли не единственного вампира, кого Лорин могла выносить после стольких лет не-жизни, и он же был единственным, кто хотя бы выразил соболезнование ее горю. Этот вампир, в отличие от прочих, к северу, не выжил из ума. Что-то держало его рассудок привязанным к этому миру. Звали его...

Крастор, господин Пустошей, встретил ее, сидя на троне. Он был великолепен, впрочем, как всегда. Длинные волосы светлы и искристы как снег, глаза черны как ночь, а кожа бела как алебастр в свете луны. Образ дополняли белоснежная блуза с кружевным жабо и черный бархатный костюм-двойка. И в тот миг, когда Лорин вошла в зал, Крастор увлеченно читал, чуть заметно шевеля губами и быстро перелистывая хрустящие страницы маленькой книжицы.

– Лорин! – воскликнул он, поспешно поднимаясь, – Приветствую самую прекрасную и самую здравомыслящую госпожу Пустошей! Что заставило тебя посетить мой скорбный приют?

Крастор раскрыл объятия, и Лорин не без удовольствия утонула в них, вдыхая слабый аромат мяты, ощущая щекой прикосновение мягкого бархата, скользя ладонями по твердой, словно камень, спине вампира.

– Ты изъясняешься так, словно перебрал старинных новелл империи Солс, – промурлыкала она на ухо Крастору.

– Но, дорогая, в абсолютном одиночестве я могу черпать красноречие исключительно в них, – ответил он в тон, отстранился, и очень чувственным, откровенным жестом обрисовал указательным пальцем контур ее лица.

...Когда погиб Эйван, он предлагал Лорин стать мужем и женой. Но тогда – именно тогда – Лорин даже помыслить не могла, что рядом с ней годами будет кто-то, кроме Эйвана. Можно сказать, это было несвоевременное предложение. Потом... может быть, она бы и дала согласие, но Крастор больше не возвращался к этому разговору, а в бессмертной жизни Лорин было достаточно мужчин, чтобы скоротать очередной день.

– Мне нужен совет, – прошептала она, – причем быстро. Ты единственный, кто еще не растерял мозги, Крастор. Мне нужен совет по части магии Крови. Ты ведь... в свое время помогал Гелиссэ, так?

Крастор мягко положил ей ладони на плечи, заглянул в глаза. На миг как будто тень скользнула по его совершенному лицу.

– Что ты хочешь сделать, Лорин?

И, не дожидаясь ответа, осторожно поцеловал, едва касаясь губ.

Лорин не стала отстраняться.

Им всего-то и было нужно, что ощущать рядом другое тело. Понимать, что сами они еще... почти живы...

– Я хочу вылечить человека, – выдохнула она, чувствуя, как руки Крастора играючи опустились сперва на талию, затем прошлись по ягодицам, рисуя прикосновениями легкие, замысловатые узоры.

Крастор приподнял брови.

– Зачем это тебе, моя драгоценная Лорин? Тебе не хватает тех, кого приводят князья и работорговцы?

Лорин открыла было рот, чтобы сказать об уникальном магическом даре Стефана, но Крастор воспользовался заминкой и, прикусывая ее губу клыками, принялся целовать со знанием дела.

А Лорин вдруг подумала – ну и хорошо, что не сказала. Мало ли чем все обернется с князем. Если о собственных неудачах будет знать только она – еще пол-беды. А если еще Крастор, да еще кто-нибудь... Нет, лучше помалкивать.

Тем временем жесткие тонкие пальцы Крастора переключились на застежку платья, пуговка за пуговкой ослабляя и без того глубокий вырез.

– Ты мне поможешь? – поинтересовалась Лорин, прикидывая, где бы устроиться удобнее. Соитие на полу в центре тронного зала представлялось ей чем-то банальным и скучным.

– М-м-м, – донеслось в ответ.

Крастор был чрезвычайно занят, платье – спущено с плеч, обнажив совершенных форм грудь. Лорин откинулась назад, позволяя давнему другу ласкать себя языком. Делал он это столь виртуозно, что она и сама не заметила, как включилась в игру. Позволяя ему ласкать себя везде.

– Ты мне поможешь? – повторила она, запустив пальцы в белоснежные волосы вампира и насильно отстраняя его от себя.

Черные глаза сверкнули зло, как у собаки, у которой отняли кость.

– Да, обещаю.

– Ты знаешь, как это сделать, верно?

– Почти так же, как и Защиту Крови, дорогая.

– Договорились, – Лорин улыбнулась.

К этому моменту светской беседы они уже были на полу, и она, поощряя, совершенно бесстыже раздвинула ноги. Крастор что-то прохрипел неразборчиво, быстрым движением задрал кружевной подол платья, а затем резко вошел. Так резко и глубоко, что Лорин на миг задохнулась. Она расслабилась, откинулась назад. Закрыла глаза. Внизу живота постепенно теплело, напряжение нарастало.

– Лорин, грязная шлюшка, – прохрипел на ухо Крастор, катая пальцами сосок, – почему... ты... не вышла за меня?

Она обхватила его бедра ногами, стараясь двигаться в такт.

– Зато тебе никогда не надоедает... меня соблазнять...

И в тот миг, когда напряжение взорвалось сладкой судорогой, Лорин зажмурилась. Она попыталась представить на месте Крастора Эйвана, но почему-то вместо идеального лица погибшего мужа увидела лицо совсем другого человека. Лорин выругалась. Крастор дернулся, зарычал, а потом обмяк, вцепился клыками ей в шею.

– Лорин, раньше ты не ругалась, – это было первое, что она услышала.

– А теперь ругаюсь, – рассеянно ответила она, потирая место укуса, – тебе обязательно каждый раз меня кусать? Человеческих девок мало?

Вампир рассмеялся, но смех вышел невеселым.

– Девочек много, а ты – одна, дорогая. Теперь я весь твой. Можешь выведывать все секреты магии Крови.

Она села на полу. Хмурясь, поправила прическу. Напряжение, удовольствие – все схлынуло, оставляя холодную пустоту. И к чему было все это устраивать? Знала ведь, что результат один и неизменен.

– Я могу вылечить человека? – повторила Лорин, искоса наблюдая, как Крастор застегивает блузу. Грудь у него была гладкая, белая, мышцы жгутами катались под кожей. Лорин захотелось укусить его, царапнуть кожу, слизнуть одуряюще пахнущую каплю темной крови.

– Можешь, – лицо вампира внезапно обрело плутоватое выражение, – кто он, Лорин? Новая игрушка?

– Ну... да, наверное...

– А что не зовешь присоединиться?

– Ты меня тоже не зовешь, – съязвила Лорин, – как мне лечить магией Крови? Не увиливай, Крастор, ты обещал дать дельный совет. Не хотелось бы ошибиться.

Вампир поднялся с пола, подал ей руку, и они медленно пошли к сторону большого витража.

– Когда-то Гелиссэ говорил о том, что магия Крови – самая сильная, – медленно проговорил Крастор, – в отличие от стихийной магии, магия Крови универсальна, хотя и не была описана в трудах уважаемых магов погибшей империи Солс.

– Да, помню, – Лорин усмехнулась, – именно поэтому она смогла остановить расползание Некроса, и именно поэтому мы теперь те, кто есть...

– Когда ты создаешь защиту Крови, ты берешь некий предмет... Скажем, медальон на цепочке. Сплошная эстетика, да? Ну так вот. И что ты делаешь?

– Я замыкаю силовые линии на амулете и вливаю в него то, что каждый раз отбирают камни Крови.

– Правильно, моя несравненная Лорин. Когда я еще был учеником Гелиссэ, старик пробовал экспериментировать. Один эксперимент я хорошо запомнил: он убил бродягу, вытянул из него Силу, а затем эту же силу влил в умирающего ребенка.

– Гелиссэ был создателем магии Крови, и никто не владел ей столь виртуозно, – пробормотала Лорин.

– И именно поэтому он мертв, а мы...

– Мы тоже мертвы, – прошептала она, глядя в глаза Крастора как в бездонные колодцы тьмы.

– Лорин, – строго сказал он, нежно поправляя тяжелую, выбившуюся из прически прядь, – ты понимаешь, что должна сделать?

– Я должна кого-то убить, и влить то, что будет во мне, в умирающего. Так?

– Именно, госпожа Лорин, именно.

– Что-то вроде этого я и предполагала, – прошептала она.

– Теперь ты знаешь наверняка. Подтверждение гипотезы тоже важно, не так ли?

Они застыли под огромным цветным витражом. Сюжетом служила история великого мага Гелиссэ, который пожертвовал собой ради спасения рода людского. Жаль только, что люди в княжествах мало об этом знали и с фанатичным упорством продолжали приносить жертвы на алтари Тефа и Сифа.

– Я вот иногда думаю, – медленно проговорил Крастор, – а что было бы, если бы Гелиссэ не стал останавливать разлом? Никто не был уверен в том, что разлом – это конец всему, никто туда не лез, потому что испугались. Так вот, повторяю – что было бы, не останови Гелиссэ разлом? А вдруг это было всего лишь начало чего-то нового?

– Не останови Гелиссэ Разлом, мы бы с тобой не разговаривали сейчас, – эхом откликнулась Лорин, – мне пора. И спасибо.

Где-то через час Лорин вернулась домой. Невзирая на общий успех мероприятия, от посещения Крастора каждый раз оставался какой-то неприятный осадок. Вроде бы и друг. Вроде бы единственный близкий друг, сохранивший способность здраво мыслить. Но где-то на уровне ощущений, Лорин постоянно ощущала необъяснимую тревогу и такой же иррациональный страх. Хотя – вот ведь глупость, с чего ей бояться своего давнего любовника?

Побывав в собственной спальне, Лорин убедилась в том, что князь еще дышит. Тяжело, каждый раз с усилием схватывая глоток воздуха. Глаза по-прежнему были закрыты, щеки алели пятнами румянца.

«Почему я опасаюсь Крастора?» – снова мелькнула надоедливой мошкой мысль, что не давала покоя, – «он, в конце концов, мне помог...»

Она помассировала пальцами виски, отгоняя лишнее. Сейчас главное – не Крастор, отнюдь. Сейчас – некромант мира сего. Поставить его на ноги. Уговорить отправиться к Разлону. А там уж как повезет.

Путь Лорин лежал в подвал, где она держала запасы пищи. Пищу привозили работяги, и Лорин была милосердна, не храня свои запасы подолгу. Да и не с руки держать подвалы забитыми: тут же вставал ребром вопрос о кормежке пленников и об их здоровье.

Купленные рабы – несколько грязных, оборванных и наверняка обезумевших от страха мужчин – сидели на полу в просторной камере, отделенной от остального подземелья старой, но крепкой решеткой. Было довольно светло, безмолвные лампы постоянно меняли факелы в закопченных подставках. Лорин подошла к решетке почти вплотную. Один из рабов, сидя на корточках, обернулся и посмотрел на нее сквозь сбившиеся в колтун длинные волосы. Во взгляде уже витала пустота.

Лорин открыла дверь, врезанную в решетку и, не теряя зрительного контакта, поманила человека к себе. Он медленно поднялся и так же медленно направился к ней, словно шел под водой. Волосы с лица так и не убрал и остановился в двух шагах от вампирши. Лорин улыбнулась. Раб, хоть и обезумел в ожидании смерти, по-прежнему был послушен ее воле. Его сердце билось ровно, дыхание было спокойным.

«Он даже не понимает, что сейчас произойдет», – подумала она.

Провела задумчиво косточками пальцев по грязной, заросшей бородой щеке. Мужчина не пошевелился, не предпринял попытки отстраниться. Его светлые глаза смотрели куда-то сквозь Лорин и, вероятно, видели не подземелья замка, а нечто далекое и счастливое, словно детство.

Лорин опустила руку ниже, нежно погладила по груди. Пленник не вызывал у нее каких-либо плотских желаний, кроме как насытиться, но даже в этом она по привычке искала некую эстетику.

Отодвинув в сторону ворот вонючего рубища, Лорин подошла к мужчине вплотную, приникла к горячему и живому телу. Прошептала:

– Ты ведь позволишь мне поцелуй? Всего лишь поцелуй?

Языком скользнула вдоль шеи, вверх-вниз, ощутила соль человеческого немытого тела. Клыки зачесались в основаниях, становясь длиннее и заостряясь. Она запустила пальцы в свалявшиеся волосы раба, другой рукой обняла его за пояс, притягивая к себе. Жажда, растравленная запахом жизни, сделалась невыносимой, Лорин застонала, торопливо облизывая губы. И, прикрывая глаза от предвкушения удовольствия, впилась в горячую плоть.

В рот хлынул солоноватый нектар, прокладывая благословенную дорожку вниз по горлу, заполняя живым теплом страшную пустоту, что всегда была с ней на протяжении вот уже трех сотен лет. Лорин ощущала, как напряглось прижатое к ней человеческое тело, поняла, что

ему тоже было хорошо – так, словно не она выпивала его жизнь, а он наслаждался ей. Перед глазами, будто звезды в темноте, вспыхивали и гасли воспоминания, которые она принимала в себя вместе с чужой кровью. Их было не много, и светлых, радостных едва ли набрался десяток.

«Я дам тебе свободу, мой милый, – млея от невыносимого, острого удовольствия, думала Лорин, – ты уходишь в вечность, а я остаюсь в вечности здесь».

Распадаясь на тысячи осколков, она возрождалась вновь. Холод и пустота отступали, уносимые чужой жизнью, и в то мгновение, когда тяжелое тело стало оседать на пол в ее руках, Лорин поняла, что жива.

На самом деле жива.

Ей давно не было так хорошо.

Этот мужчина смог напоить ее всю, и в последние мгновения, отсчитывая затухающие удары сердца, Лорин любила его больше, чем кого бы то ни было.

Потом наступила жуткая, отрезвляющая тишина.

Она оторвалась от раны на шее: кровь перестала вытекать.

«Как быстро, как мало», – Лорин поцеловала мужчину в лоб и не без труда поднялась на ноги. Сытость разморила ее, не хотелось никуда идти. Просто лечь и вздремнуть, как будто после хорошего обеда.

– Э, нет, – сказала она самой себе и хихикнула, – у тебя еще есть дела, девочка. Вперед. Прозвучало это так, как будто она, Лорин, только что изрядно набралась.

«Пусть так», – мелькнула горькая мысль.

И она устремилась вверх, обратно в спальню.

Там, с усмешкой глядя на неподвижного князя, быстро сорвала с себя одежду и нырнула под одеяло. На кромке сознания заворочалась магия, которой Лорин была создана и связана, потянулись к желанной добыче камни Крови. Она почти ощутила, как омерзительные, скользкие обрубки-щупальца касаются ее, с чмокающим звуком пытаются присосаться. Быстрее, быстрее!

Лорин прижалась всем телом к Стефану, ощутила, как грохочет пульс. Успела лишь мельком почувствовать, что жизни в этом мужчине осталось совсем ничего. Увильнув от щупалец, она с закрытыми глазами ощутила те тонкие каналы магии, которые великий маг Гелиссэ называл нитями. Их был почти целый кокон, этих парящих багровых шелковых лент. И, прикусывая губу от напряжения, Лорин подхватила нити своей магии и замкнула их на теле князя. Ничего нового. Она так уже делала, изготавливая Защиту Крови для Велеслава.

Стало больно. Очень.

Камни крови едва не взвыли, молотя щупальцами по серой ткани астрала.

– Хрен вам, – Лорин мстительно ухмыльнулась.

Ломота в теле нарастала. То, что раньше отбирали камни Крови, она добровольно отдавала князю. Сознание подергивалось зыбкой темной пеленой.

– Только попробуй, сдохни, – выдохнула Лорин ему в приоткрытые губы.

Перед глазами роились черные мухи.

Лорин распласталась на теле человека, отдавая ему все, до последней капли.

Сознание милостиво скользнуло в черноту.

Глава 5. Некромант

В какой-то миг вернулось ощущение времени.

Он выскользнул из непроглядной тьмы беспомощности, в которой пребывал, и следующим пришло осознание того, что «ничто» закончилось. Теперь было «здесь и сейчас».

Перед мысленным взором надоедливо замельтешили воспоминания: нужная свадьба с ненужной девушкой, жарко натопленная спальня, пальцы шарят по золоченым застежкам тяжелого оплечья, вкус девичьих губ, небо обрушивается...

Стефан стиснул зубы. Нужно было открыть глаза, но почему-то не получалось. Веки что камни.

А воспоминания лились пестрым потоком, теснились под черепом. Он прикован к ледяной наощупь плите, черный силуэт чудовища распластался на белом теле невесты, кровь стекает по подбородку, и радужки глаз багрово-алые. Его сотрясает жуткий озноб, и в крошечной темноте становится жарко, словно в самом сердце жаровни с углями.

«Я заболел», – подумал Стефан. А следующей внятной мыслью было: «и почему-то жив, до сих пор жив».

Чудовище не убило его. И означало это, что он стал всего лишь игрушкой в руках вампира. Госпожа Пустошей наиграется, растопчет его, превратит в такую же богопротивную тварь, как и она сама, а потом убьет.

Ощущения медленно возвращались. Под ладонями было гладкое полотно. Похоже, одежды на нем не оставили. Он лежит на спине, вытянув руки вдоль туловища, голова чуть повернута набок. Все та же гладкая ткань под щекой.

Стефан, после пары бесплодных попыток, все же приоткрыл глаза. Сперва все поплыло, завертелось. Зажмурился. Снова открыл, поморгал. Первым он увидел окно, снаружи забранное черной решеткой. Сквозь окно в помещение лился золотой свет Тефа, расцветивая яркими красками гобелены, выхватывая из полумрака изящную клетку с маленькой желтой птичкой, искрясь в кувшине и стаканах из тонкого стекла.

Сам он лежал на огромной кровати с простынями лавандового цвета, по горло укутанный в мягкое пуховое одеяло.

«Новая забава госпожи», – Стефан глубоко вздохнул. В груди все сжалось, стянулось в болезненный узел.

Отвратительно...

Он был беспомощен настолько, что не мог шевельнуться. Но люющий в окно солнечный свет и маленькая звонкая птичка волшебным образом вымыли из души страх и ощущение безнадежности. Стефан поймал себя на том, что невольно улыбается. Он все еще был жив, а это означало, что боги дали ему возможность бороться.

«Убил одного, убью и другую», – подумал он.

В голове воцарилась странная легкость. Решение было принято, осталась сущая малость – воплотить задуманное в жизнь.

Клонило в сон. Стефан прикрыл глаза, но тут как будто холодная тень перечеркнула тепло покровителя-Тефа. Он вздрогнул невольно и уставился на затянутый в атлас силуэт госпожи Пустошей.

Как она появилась в комнате, Стефан так и не заметил. Вот ее не было – и вот она уже рядом с кроватью, изящная, словно статуэтка из дорогого южного фарфора. Узкое платье из вишневого атласа сидит словно вторая кожа, обрисовывая высокую грудь и позволяя любоваться ложбинкой меж двух холмиков.

...Госпожа Пустошей медленно приближается, и яркий свет солнца скользит по дорогой ткани, играет, рассыпается кровавыми искрами. Вот она на миг останавливается перед крова-

тью, гладкий белый лоб пересекает едва заметная складочка. Взгляд задумчив, и сейчас как никогда похож на взгляд живого человека. Еще через мгновение вампириша уже на кровати, на коленях рядом с ним. Протягивает руку, чуть заметно касается лба холодными пальцами.

...И этого, единственного прикосновения хватило, чтобы снова начал колотить озноб. Стефан дернулся в сторону, испытывая рвотный позыв, но смог лишь чуть-чуть повернуть голову.

Вампириша нахмурилась, убрала руку. А затем очень спокойно промолвила:

– Нам нужно обсудить кое-что, князь. Но для этого ты должен прийти в себя. Полностью.

Стефан лежал с закрытыми глазами. Стояла ватная тишина, но при этом не отпускало скребущее чувство, что за ним очень внимательно наблюдают.

Она была рядом. Древняя нежить. Стефан время от времени ощущал легкие движения воздуха, как будто вампириша склонялась над ним.

Бессмертная госпожа – пока что – не трогала. Но и не уходила.

И невероятно сложно было лежать неподвижно и прикидываться спящим, судорожно пытаясь понять, что будет дальше.

Ему нужно было бежать.

И убить тварь.

При воспоминании о том, что тварь сделала с невинной Росинкой, к горлу подкатывала тошнота, и приходилось сжимать челюсти и дышать глубоко-глубоко.

Но как бежать, когда сил нет даже на то, чтобы сесть на кровати?

Стефан дернулся, ощутив ледяное прикосновение ко лбу, невольно открыл глаза. Что она там задумала? И тут же вжался в кровать, поскольку нежить была совсем близко, нависала над ним, опершись руками по обе стороны подушки. Взгляд непроизвольно зацепился за пухлые бледно-розовые губы, скользнул ниже. Кожа у нежити была неестественно гладкой, ни изъяна, ни морщинки. И белой как первый снег.

Все внутри скрутилось в болезненный узел, в ушах зашумело.

Вампириша молча смотрела на него, и по совершенно бесстрастному выражению лица было невозможно понять – то ли она его сейчас укусит, то ли просто свернет шею.

«Какие странные глаза», – мелькнула неуместная мысль.

Слишком светлые, почти белые, но с темными ободками по краям радужек. У людей таких глаз тоже не бывает...

– Стефан, – медленно произнесла она, как будто пробуя на вкус имя, – хватит. Надо поговорить.

«Поговорить... о чем?!!»

Но вампириша все смотрела на него, как будто ожидая ответа, и Стефан все же выдавил:

– Лучше убей.

И отстраненно посмотрел на тонкую белую шею, мечтая сжать ее... до хруста позвонков.

Госпожа пустошей тихонько вздохнула.

– Я не могу тебя убить, хоть и хотела.

И отстранилась, уселась рядом, поджав ноги, демонстрируя узкие ступни, такие же белые и гладкие, как и шея.

«Ей что-то от меня нужно, но что?», – Стефан отвел взгляд.

– Жизнь подбрасывает нам странные сюрпризы, – глухо произнесла госпожа, – ты убил Эйвана, а я не могу убить тебя, хоть и очень хотелось. Я думала, что выпью тебя досуха, князь, а тело отдам своим безмолвным ллэ, и буду наслаждаться зрелищем, как тебя раздирают на куски. Но, выходит, я не могу этого сделать. Ты оказался очень ценным экземпляром человека.

«Да неужели?» – вопрос крутился на языке, но Стефан промолчал.

Происходящее все больше походило на бред.

И, наконец, вампирша тихо произнесла:

– Я хочу, чтобы ты помог нам. Всем нам.

«Это бред, просто бред. Я простудился и умираю», – сказал себе Стефан.

Нежить в темно-алом платье, сидящая рядом на кровати, горько улыбнулась.

– Шутка судьбы, Стефан, в том, что ты – некромант мира сего. И последняя его надежда.

«Я даже не понимаю, о чем она... кто такой некромант? Последняя надежда мира?»

Он крепко зажмурился. Затем открыл глаза, посмотрел в упор на госпожу Пустошей.

Говорить было тяжело, но – «лучше сразу добьет, чем все это...»

– Я не буду тебе помогать. Ты – богопротивная тварь, и твое место в царстве Хенеша.

И клянусь светлым именем Тефа, что, как только будет возможность, я всажу тебе в сердце осиновый кол и отрежу голову.

«Теперь – точно все».

Светлые радужки вампирши медленно алели.

Вот сейчас... она подберется ближе...и...

Стефан задохнулся, когда ледяная рука схватила его за горло, вдавливая в мягкую подушку. Белое лицо твари оказалось совсем близко, он даже почувствовал запах ее дыхания, лепестки роз с едва заметной примесью тлена. Холодная плоть языка коснулась щеки, скользнула вниз, к губам. Он дернулся, попытался вырваться – но куда там! – ведь был слабее котенка. В следующее мгновение госпожа резко отстранилась. Прошипела, сверкая алыми глазищами:

– Послушай, князь. Ты не представляешь, как мне хочется сперва ощутить тебя в себе, а затем разорвать горло и выпить до дна. Ты даже не догадываешься, насколько велики мое желание и жажда. Но все же я не делаю этого, потому что... Подумай о своем княжестве... Пустоши не вечны, когда-нибудь это закончится. Когда подумаешь, поговорим. Спокойно поговорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.